
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Организация, основные задачи и кадровый состав органов военной контрразведки

С началом Великой Отечественной войны деятельность советских органов безопасности на фронте и в тылу претерпела серьезные изменения. В течение июня — июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР, СНК СССР, ЦК ВКП(б), руководство наркоматов обороны, внутренних дел и госбезопасности издали ряд нормативных актов, предопределивших их организацию и основные задачи на период войны.

Органы военной контрразведки по состоянию на 22 июня 1941 г. были представлены 3-м управлением НКО СССР, 3-м управлением НКВМФ СССР, 3-м отделом НКВД СССР и подчиненными им третьими отделами (отделениями) на местах. Наиболее разветвленную структуру органов военной контрразведки (третьих подразделений) имел Наркомат обороны СССР. Возглавлял 3-е управление НКО СССР бригадный комиссар А. Н. Михеев. В свою очередь, 3-е управление НКВМФ СССР отвечало за обеспечение безопасности в частях и соединениях флотов, флотилий и военно-морских баз. 3-й отдел НКВД СССР вел контрразведывательную работу в войсках Наркомата внутренних дел.

Независимо от принадлежности к конкретному ведомству большинство подразделений военной контрразведки вступило в войну, не завершив реорганизацию, проводившуюся в связи с образованием из особых отделов НКВД третьих отделов (отделений). По воспоминаниям многих ветеранов, предпринятая в феврале 1941 г. реорганизация отрицательно сказывалась в начальный период войны на работе подразделений военной контрразведки в боевой обстановке. К тому же часть командиров соединений, в подчинение которым были переданы третьи отделы (отделения), стремилась использовать их для выполнения различных поручений, не имевших отношения к основным задачам органов безопасности.

Руководство Наркомата внутренних дел СССР и органов военной контрразведки в предвоенные годы не уделило достаточного внимания подготовке особых отделов (третьих подразделений) к деятельности в условиях ведения боевых действий, хотя уже имелся опыт советско-финской войны 1939–1940 гг. Подготовка носила общий характер и касалась преимущественно мобилизационных вопросов. В подразделениях военной контрразведки, особенно в звене «бригада — дивизия — корпус», ощущалась нехватка квалифицированных оперативных сотрудников. Прибывшие на работу в эти подразделения накануне и с

началом войны молодые контрразведчики из территориальных органов НКВД — НКГБ, а также сотрудники, зачисленные в контрразведку с командных и политических должностей из армейских и флотских подразделений, не имели достаточной профессиональной подготовки, а многие не успели приобрести опыт оперативной работы даже в мирных условиях¹.

Между тем обстановка на фронтах уже в первые недели войны складывалась не в пользу советских войск. Немецкое командование полностью владело стратегической инициативой, нанося массированные удары на том или ином участке фронта, что обусловило ряд крупных поражений советских войск летом — осенью 1941 г. В сложившихся исключительно тяжелых условиях руководство СССР приняло решение объединить все правоохранительные органы в единое ведомство. Преобразования затронули и органы военной контрразведки.

17 июля 1941 г. было принято постановление ГКО, которое предписывало:

«1. Преобразовать органы Третьего управления как в Действующей армии, так и в военных округах (от отделений в дивизиях и выше) в особые отделы, а Третье управление — в Управление особых отделов.

2. Подчинить Управление особых отделов и особые отделы Народному комиссариату внутренних дел, а уполномоченного особотдела в полку и особотдела в дивизии одновременно подчинить соответственно комиссару полка и комиссару дивизии.

3. Главной задачей особых отделов на период войны считать решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидацию дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе.

4. Дать особым отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

5. Обязать НКВД дать в распоряжение особых отделов необходимые вооруженные отряды из войск НКВД.

6. Обязать начальников охраны тыла иметь прямую связь с особыми отделами и оказывать им всяческую поддержку»².

Как подчеркивалось в директиве НКВД СССР от 18 июля 1941 г. № 169, отданной в развитие этого постановления ГКО, «смысл преобразования органов Третьего управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами... Этой задаче должна быть подчинена вся работа особых отделов, вся их деятельность на фронте и в тылу». Руководство НКВД СССР потребовало «решительно перестроить всю агентурно-оперативную работу с тем, чтобы в любой обстановке обеспечить выявление и беспощадное уничтожение предателей, шпионов и дезертиров»³.

Вновь образованное Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР представляло собой самостоятельную структуру в составе Наркомата внутренних дел, которой подчинялись все особые отделы фронтов, округов (военных, пограничных, внутренних войск), армий, корпусов, дивизий, бригад и отдельных гарнизонов. Управление состояло из нескольких отделов. В частности, за обеспечение безопасности основных родов войск отвечал 4-й отдел, ВВС — 2-й отдел, бронетанковых войск и артиллерии — 3-й отдел и т. д.

В состав Управления особых отделов НКВД СССР в качестве 6-го отдела, осуществлявшего контрразведывательную работу в войсках НКВД, вошел и бывший 3-й отдел НКВД СССР. Начальником УОО НКВД СССР был назначен заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 3 ранга В. С. Абакумов. Бывший начальник 3-го управления НКО СССР бригадный комиссар А. Н. Михеев получил специальное звание комиссара государственной безопасности 3 ранга и был назначен начальником особого отдела НКВД Юго-Западного фронта.

В соответствии с постановлением ГКО от 10 января 1942 г. «О преобразовании органов Третьего управления НКВМФ в особые отделы» органы военно-морской контрразведки были также переданы в подчинение Управления особых отделов НКВД СССР.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 19 июля 1941 г. при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, при особых отделах ар-

СОВ. СЕКРЕТНО

Экз. № 2868

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО—187/сс

От 17 июля 1941 г.

Москва, Кремль

СОДЕРЖАНИЕ: О преобразовании органов 3-го Управления в Особые Отделы.

1. Преобразовать органы 3-го Управления как в Действующей армии, так и в военных округах от отделений в дивизиях и выше в Особые Отделы, а 3-е Управление — в Управление Особых Отделов.

2. Подчинить Управление Особых Отделов и Особые Отделы Народному Комиссариату Внутренних Дел, а уполномоченного Особотдела в полку и Особотдел в дивизии одновременно подчинить соответственно комиссару полка и комиссару дивизии.

3. Главной задачей Особых Отделов на период войны считать решительную борьбу с шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе.

4. Дать Особым Отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

5. Обязать НКВД дать в распоряжение Особых Отделов необходимые вооруженные отряды из войск НКВД.

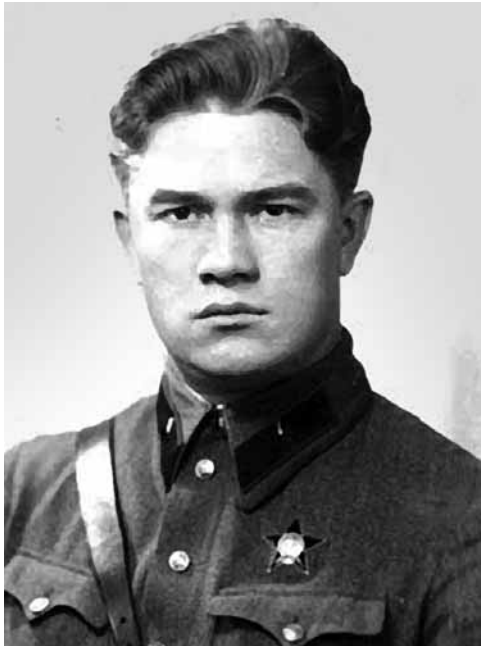
6. Обязать начальников охраны тыла иметь прямую связь с Особыми Отделами и оказывать им всяческую поддержку.

Председатель Государственного Комитета Оборон

И. СТАЛИН.

Заказ № 318сс.

Центральная типография НКВД СССР имени Клим Ворошилова.
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.



А. Н. Михеев



В. С. Абакумов

мий — отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов — отдельные стрелковые батальоны. Приказ предписывал «укомплектовать эти части личным составом войск НКВД, находящимся в подчинении начальников охраны тыла фронтов. На укомплектование выделить лучший проверенный состав из числа кадра»⁴.

Через несколько дней после реорганизации органов военной контрразведки последовала новая серьезная реформа органов безопасности страны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКВД СССР и НКГБ СССР были объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР во главе с Л. П. Берией⁵.

Проведенные реформы органов безопасности позволили создать единое мощное правоохранительное ведомство, способное в тяжелый начальный период войны решать такие серьезные задачи, как борьба с вражескими спецслужбами, оказание помощи военному командованию, партийным, хозяйственным органам в наведении порядка, стабилизации положения на фронте и в тылу. Значительно укрепились связи и улучшилось взаимодействие между территориальными органами и особыми отделами НКВД.

Однако реорганизация органов безопасности в условиях начавшейся войны имела и свои негативные последствия. Во второй раз за непродолжительный период времени менялась организационно-штатная структура, осуществлялись серьезные кадровые перестановки. В кратчайшие сроки необходимо было решить вопросы правового положения, финансирования, материально-технического снабжения и прочее.

Стабильная структура органов военной контрразведки на фронтах, которая способствовала бы успешному решению задач военного времени, сложилась лишь к началу 1943 г. Она, как правило, выглядела так: особый отдел НКВД фронта, 5–10 особых отделов армий, подчиненных фронту, 30–40 особых отделов частей и соединений, подчиненных либо непосредственно особому отделу НКВД фронта, либо особым отделам НКВД армий (в зависимости от подчиненности частей и соединений по линии военного командования). С апреля 1943 г. данные органы стали носить наименования управлений (отделов) контрразведки Смерш НКО СССР.

Подчиненность сотрудников органов военной контрразведки звена «бригада — дивизия» в последующем в связи с введением единоначалия в Красной армии приказом НКВД СССР от 14 октября 1942 г. была изменена. Старший оперуполномоченный и оперуполномоченный в полку и начальник особого отдела соединения одновременно с подчинением по линии особых отделов НКВД стали подчиняться командиру полка и командиру соединения соответственно⁶.

В своей работе органы военной контрразведки тесно взаимодействовали с пограничными войсками НКВД, на которые в соответствии с постановлением СНК СССР от 25 июня 1941 г. была возложена задача по охране тыла действующей Красной армии. Во исполнение решения СНК СССР в кратчайшее время были сформированы управления охраны тыла Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. Пограничные части были преобразованы в пограничные полки; в управлениях созданы разведывательные отделы, в пограничных полках — разведывательные отделения, в батальонах — группы разведчиков; введены должности заместителей по разведке начальника войск по охране тыла, командира полка и командира батальона. В задачу разведывательных отделений входили организация оперативной работы по охране тыла, борьба с агентурой вражеских спецслужб, ведение зафронтной разведки.

Организуя свою работу в период Великой Отечественной войны, органы военной контрразведки опирались на законодательство военного времени. В первую очередь они руководствовались указами Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения». В соответствии с этими указами в местностях, объявленных на военном положении (более 20 республик и областей СССР), все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежали военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где не было военных советов, — высшему командованию войсковых соединений⁷.

Военные власти получили широкие полномочия, в том числе в области издания обязательных для населения постановлений, мобилизации наличных сил и средств на нужды обороны и т. п. В изъятие действовавших правил уголовного судопроизводства в местностях, объявленных на военном положении, на рассмотрение военных трибуналов передавались все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности (государственных преступлениях, умышленных убийствах, разбое и т. п.). Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены только в порядке надзора. Органы военной контрразведки на протяжении всей войны активно использовали возможности военного командования в местностях, объявленных на военном положении, для решения своих задач, поддержания в прифронтной полосе жесткого контрразведывательного режима.

6 июля 1941 г. в интересах поддержания общественного порядка и предупреждения случаев паники Президиум Верховного Совета СССР принял указ об ответственности за распространение в военное время ложных слухов. Его содержание было кратким: «Установить, что за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания»⁸.

В этот же день постановлением ГКО была введена военная цензура. Органы военной цензуры просматривали всю входящую и исходящую почтовую корреспонденцию частей Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, что позволяло предотвращать утечку военных секретов, предупреждать распространение панических, провокационных и иных нежелательных сообщений. Отделениями военной цензуры производились вскрытие и просмотр всех видов писем и телеграмм с проставлением штампа «Просмотрено военной цензурой».

Таким образом, уже в первые месяцы войны произошли существенные изменения в законодательстве страны, которые оказали влияние на содержание оперативной и следственной работы органов военной контрразведки.



ер-в.

СССР

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ОБОРОНЫ

16 июня 1942 г.

№ 1051
г. МОСКВА

товарищу С Т А Л И Н У И. В.

От тов. Берия

11
СОВ. СЕКРЕТНО
РАССЕКРЕЧЕНО
Экз. № 1

ИЗ 802 / 16.2.42.

Назначенный в соответствии с Вашим указанием главным конструктором завода № 500 НКВД А. Д. ЧАРОМСКИЙ с 4-го июня приступил к работе по доводке дизеля М-30. Одновременно мною дано указание о командировании на этот завод группы специалистов 4-го Спецотдела НКВД СССР, работавших под руководством А. Д. ЧАРОМСКОГО по проектированию и производству дизеля М-30 и знающих также производство дизеля М-30.

За период работы в Особом Техническом Бюро НКВД СССР А. Д. ЧАРОМСКИЙ и отдельные работающие с ним специалисты показали весьма добросовестное отношение к порученным им обязанностям и проявили полезную инициативу и настойчивость при решении важных технических вопросов.

Учитывая вышеизложенное, а также необходимость предоставления А. Д. ЧАРОМСКОМУ всех возможностей для самостоятельного решения различных технических и организационных вопросов, связанных с доводкой дизеля М-30, считаю целесообразным возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР о досрочном освобождении, со снятием судимости, А. Д. ЧАРОМСКОГО и 8 зак-

Сожалею

И. Сталин

Докладная записка НКВД СССР об освобождении А. Д. Чаромского и снятии с него судимости. С резолюцией И. В. Сталина. Лист 1

2.

Согласен
И.С.

лученных специалистов-дизелистов, направляемых на работу на завод № 500.

Прилагая при этом список специалистов, прошу Ваших указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Список на 9 человек.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР

Л. Берия
/ Л. Б Е Р И Я /

Как правило, особые отделы НКВД на фронте и в прифронтовой полосе занимались только выявлением и расследованием соответствующих преступлений. Приговоры по законченным производством делам выносили военные трибуналы, хотя в отдельных случаях сотрудники особых отделов имели право на применение внесудебных мер. Спецификой карательной политики в годы войны было и то, что репрессиям подвергались не только военные преступники, но и их ближайшие родственники. В соответствии с приказом Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. семьи военнослужащих, «дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу», подлежали аресту «как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров»⁹.

Организуя работу органов военной контрразведки в первые дни войны, руководство 3-го управления НКО СССР и 3-го управления НК ВМФ СССР не имело объективной и полной информации о складывавшейся на линии фронта и в прифронтовой полосе оперативной обстановке. Поэтому неслучайно первая директива, направленная центральным аппаратом военной контрразведки НКО СССР на места 22 июня 1941 г. о задачах органов 3-го управления в связи с началом военных действий, носила абстрактный, «дежурный» характер. Вместе с тем в директиве были заложены все основные направления будущей работы органов военной контрразведки в годы войны.

В связи с началом военных действий и «для пресечения подрывной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов, проникших в армию», директива предписывала активизировать разработку всего «подсчетного элемента» и требовала:

- направить агентурно-осведомительный аппарат на своевременное вскрытие и ликвидацию агентуры противника по линии шпионажа, диверсии, террора; своевременно предотвращать случаи дезертирства и измены Родине;

- решительно пресекать все антисоветские проявления и вражескую работу по разложению личного состава воинских частей, распространению контрреволюционных листовок, провокационных и панических слухов;

- обеспечить предотвращение фактов разглашения военными государственной и военной тайны, особенно обратив внимание на работников штабов и узлов связи;

- вскрывать недочеты, отрицательно влияющие на выполнение задач, поставленных перед войсками, и немедленно через командование ликвидировать выявленные недочеты¹⁰.

Следующая, подписанная 27 июня 1941 г. начальником 3-го управления НКО СССР А. Н. Михеевым директива определила основные элементы оперативной деятельности военной контрразведки. В военное время функции органов 3-го управления НКО СССР включали: агентурно-оперативную работу в частях Красной армии и в тыловых учреждениях, их обеспечивавших, а также среди гражданского окружения; борьбу с дезертирством; работу на территории противника¹¹.

На протяжении лета — осени 1941 г. руководство органов безопасности и военной контрразведки издало значительное количество нормативных документов (приказов, указаний, директив, ориентировок и т. п.), которые конкретизировали задачи особых отделов НКВД. Однако руководство особых отделов на местах не сразу смогло уяснить новые приоритеты в оперативной работе. Перестройка работы с мирного на военный лад происходила в исключительно трудных условиях на фоне постоянного отступления советских войск, формирования новых частей и соединений и т. п. В некоторых органах военной контрразведки возникали проблемы выстраивания отношений с командованием. Неслучайно во второй половине 1941 г. представители руководства Управления особых отделов НКВД СССР неоднократно выезжали на места, где знакомились с организацией работы, давали указания по повышению ее качества и эффективности.

Так, к примеру, в начале октября 1941 г. начальник УОО НКВД СССР В. С. Абакумов выезжал на Южный фронт, побывал в 9-й и 18-й армиях, в 150-й стрелковой дивизии. В ходе поездки В. С. Абакумов знакомился с оперативными материалами особых отделов, давал указания и проводил инструктажи с руководящим составом особых отделов по вопросам решительного пресечения дезертирства, шпионажа и «разболтанности на фронте».

Даже спустя полгода после начала войны положение оставалось непростым. 1942 г. по драматизму и сложности обстановки как на фронте, так и в тылу страны немногим уступал предыдущему. Вследствие тяжелых поражений весной 1942 г. вплоть до контрнаступления под Сталинградом советским войскам пришлось вести затяжные и ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами противника.

Складывавшаяся на фронтах обстановка обусловила и основные задачи органов военной контрразведки на 1942 г. в частях и соединениях действующей армии. К их числу относились:

- розыск шпионов, диверсантов и террористов, забрасываемых вражескими спецслужбами в расположение войск действующей армии и прифронтовую полосу;
- оказание помощи военному командованию и политорганам в укреплении боеспособности частей и соединений, сохранении секретов;
- борьба с изменой Родине в виде перехода на сторону врага, дезертирством и членовредительством, пресечение распространения панических слухов;
- информирование руководства страны и военного командования о реальном положении в действующей армии и проблемах, негативно влияющих на ее боеспособность.

Однако в условиях ожесточенных оборонительных сражений 1941—1942 гг. спектр задач, решаемых особыми отделами НКВД, не ограничивался перечисленными выше. Помимо борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб противника органы военной контрразведки фактически занимались наведением порядка в прифронтовой полосе, боролись с мародерами и расхитителями военного имущества, выявляли виновников и расследовали случаи аварий, факты морально-бытового разложения отдельных военнослужащих и т. п.

Анализируя накопленный с начала войны опыт, руководство органов государственной безопасности СССР обратило внимание на необходимость более четко сформулировать задачи, стоявшие перед военной контрразведкой, выделив приоритетные и отказавшись от второстепенных. В Управлении особых отделов НКВД СССР пакет документов по данной проблеме был подготовлен уже в октябре 1942 г. Он включал: проект постановления Государственного Комитета Обороны; справку о штатной численности особых отделов НКВД СССР по состоянию на 15 октября 1942 г.; список начальников особых отделов НКВД фронтов, армий, военных округов, флотов и флотилий. В проекте постановления ГКО предусматривалось:

«1. Работу особых отделов НКВД ограничить выполнением следующих задач:

а) ведение контрразведывательной работы в частях, штабах и учреждениях Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД: борьба с проникновением в них агентуры противника — шпионов, диверсантов, террористов;

б) борьба с предательством, изменой Родине и антисоветскими проявлениями;

в) борьба с дезертирством, членовредительством, трусами, паникерами и разглашением военной тайны;

г) выявление отдельных недочетов в области снабжения частей Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД боеприпасами, продуктами питания, обмундированием и другими предметами довольствия.

2. Обязать начальников особых отделов НКВД Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД информировать соответственно командиров частей, соединений и командующих армий, фронтов, флотилий и флотов обо всех имеющихся материалах на командный, начальствующий и рядовой состав армии, флота и войск НКВД, а также о всех выявленных недостатках»¹².

Предложения по изменению задач были обоснованными, однако реализация их произошла позднее, в апреле 1943 г., одновременно с очередной реорганизацией органов военной контрразведки.

Одной из особенностей работы особых отделов НКВД в условиях военного времени стало их частое переподчинение. Во исполнение решений военного командования части и соединения за годы войны неоднократно передавались из одной структуры (корпуса, армии, фронта, военного округа) в другую, выводились на переформирование и т. п. Соответственно изменялась и подчиненность особых отделов НКВД (отделов контрразведки Смерш). Кроме

того, в отличие от территориальных органов безопасности подразделения военной контрразведки часто меняли места своей дислокации в ходе оборонительных боев или наступления, что лишало руководство и оперативный состав возможности глубоко изучить оперативную обстановку, тщательно и заблаговременно готовить оперативные мероприятия.

В силу этих особенностей и некоторых других причин планированием оперативно-следственной работы занимались главным образом отделы военной контрразведки частей и соединений с учетом стоящих перед ними задач. Эти планы касались в основном текущих мероприятий, которые предстояло реализовать в короткие сроки, исходя из имеющихся возможностей. Общие планы деятельности особых отделов НКВД (органов Смерш) армий, фронтов до конца войны разрабатывались нерегулярно. При этом недостаточно внимания уделялось координации работы оперативных подразделений в соответствующей полосе фронта (армии). Это несколько снижало уровень эффективности контрразведывательной деятельности в войсках и на освобожденной от противника территории.

Одной из серьезных проблем с началом военных действий и мобилизационным развертыванием новых частей и соединений Красной армии и Военно-морского флота стало укомплектование подразделений военной контрразведки, особенно в действующей армии, квалифицированными сотрудниками. Многие чекисты имели слабую оперативную подготовку, к тому же они не знали организационной структуры и тактики работы разведывательных органов фашистской Германии, не имели четкого представления о методах розыска вражеских агентов, организации зафронтной работы и т. п. Имевшаяся в органах государственной безопасности информация об абвере и главном управлении имперской безопасности Германии не была своевременно доведена до оперативного состава соответствующих подразделений чекистских органов, и они вынуждены были в течение продолжительного времени вести борьбу с разведкой противника вслепую, в боевых условиях самостоятельно собирать необходимые о ней данные.

Для укомплектования особых отделов развертываемых частей и соединений Красной армии оперативным составом в военную контрразведку было направлено большое число оперативных работников территориальных органов безопасности, а также армейских офицеров. Только из территориальных и транспортных органов госбезопасности в особые отделы НКВД прибыли на пополнение около 20 тыс. оперативных работников, которые не имели опыта работы в армейских условиях¹³. К примеру, особый отдел Ленинградского фронта пополнился из территориальных органов госбезопасности 1,5 тыс. новых сотрудников.

Начало Великой Отечественной войны заставило руководство органов безопасности внести серьезные изменения в систему подготовки и переподготовки кадров, в том числе для подразделений военной контрразведки. Так, в Высшей школе НКВД СССР курсы подготовки и переподготовки (усовершенствования) оперативных работников органов безопасности с 11 августа 1941 г. были переведены с месячной на трехмесячную программу обучения¹⁴. Чтобы полнее удовлетворить потребности органов военной контрразведки и территориальных органов в кадрах, в июне — октябре 1941 г. был произведен досрочный выпуск слушателей отдельных курсов. 26 июня 1941 г. 264 слушателя курсов усовершенствования руководящего состава Высшей школы НКВД СССР были откомандированы в ОМСБОН, а 238 слушателей курсов по подготовке оперативного состава для особых отделов направлены на работу в особый отдел Московского военного округа. Приказом НКВД СССР от 23 июля 1941 г. при Высшей школе НКВД СССР были организованы курсы подготовки оперативных работников для особых отделов НКВД СССР численностью 850 человек. Продолжительность занятий на курсах устанавливалась в 24 рабочих дня.

Одной из мер подготовки чекистских кадров стало расширение сети учебных заведений органов безопасности: были организованы Московская и Бакинская межкраевые школы. Общая численность слушателей чекистских школ увеличилась с 2 до 3,6 тыс. человек.

Ввиду острой нехватки квалифицированных кадров П. А. Судоплатов и Н. И. Эйтингон предложили Л. П. Берии освободить из тюрем бывших сотрудников органов безопасности. Согласие было получено.



П. А. Судоплатов с бойцами ОМСБОН



Допрос немецкого военнопленного

Пополнение кадрами шло и путем возвращения на службу ветеранов. С началом войны многие чекисты, уже не служившие в ведомстве, уволенные в отставку, направили на имя Л. П. Берии заявления с просьбой отправить их на фронт. Один из них — Э. А. Петерс писал: «Имею чекистскую и боевую подготовку, участвовал в операциях по ликвидации бандитизма, диверсантов, шпионов и прочей сволочи... для меня счастье отдать все свои силы, весь свой опыт и свою жизнь к защите своей Родины от фашистских громил. 3/VII.41»¹⁵.

Несмотря на принимаемые меры, кадровый вопрос отличался остротой на протяжении всего первого периода Великой Отечественной войны. В условиях ведения активных боевых действий особые отделы НКВД несли большие потери. Осенью 1941 г. на Юго-Западном фронте попал в окружение и погиб бывший начальник 3-го управления НКО комиссар госбезопасности 3 ранга А. Н. Михеев.

В конце 1941 г. руководство НКВД СССР было вынуждено принять несколько серьезных решений с целью устранения данной проблемы. Директивой НКВД СССР от 2 октября 1941 г. было предписано организовать учет находящихся на излечении в военных госпиталях работников особых органов НКВД на предмет их дальнейшего использования. Предусматривалось пропускать сотрудников особых отделов, выписанных из госпиталей, через врачебные комиссии и признанных годными к дальнейшей службе в полевых условиях направлять к месту прежней службы¹⁶.

12 декабря 1941 г. был издан приказ НКВД СССР о проведении отбора и специальной подготовки чекистских кадров для укомплектования особых отделов. В соответствии с ним в территориальных органах НКВД формировался резерв сотрудников для направления на работу в особые отделы НКВД для замещения должностей оперуполномоченных и старших оперуполномоченных¹⁷. В этот же период в целях «подготовки на случай надобности для зачисления на оперативную работу по линии органов особых отделов НКВД» было принято решение призвать на двухмесячную учебно-практическую подготовку чекистов запаса, работающих в системе других неоперативных управлений НКВД СССР. Прохождение учебно-практической подготовки организовывалось при НКВД — УНКВД по месту дислоцирования органов, откуда призывались на переподготовку чекисты запаса. Все отобранные чекисты зачислялись в резерв отдела кадров НКВД СССР¹⁸.

Очередной этап в совершенствовании системы подготовки кадров для органов военной контрразведки пришелся на весну 1942 г. 22 мая был издан ряд приказов НКВД СССР, в соответствии с которыми при особом отделе НКВД Сибирского военного округа были созданы курсы резерва подготовки оперативно-чекистских кадров для особых отделов НКВД с количеством слушательского состава на один набор в 300 человек. Отбор кандидатов на обучение необходимо было провести из числа проверенных членов и кандидатов в члены ВКП(б) и ВЛКСМ в возрасте от 19 до 38 лет с образованием не ниже семи классов средней школы и по состоянию здоровья пригодных к службе в органах НКВД. Срок обучения устанавливался в два месяца, занятия начинались с 1 июня 1942 г. В качестве преподавательского состава выступали оперативные сотрудники ОО НКВД Сибирского военного округа и УНКВД по Новосибирской области.

Одновременно при особых отделах НКВД Балтийского и Тихоокеанского флотов создавались курсы по подготовке и переподготовке оперативно-чекистских кадров с общей численностью курсантского состава 100 и 80 человек соответственно. Срок обучения устанавливался в три месяца¹⁹.

В особых отделах фронтов и военных округов создавался постоянно действующий резерв кадров с целью:

- укомплектования по вакантным должностям старших оперуполномоченных и оперуполномоченных за счет набора и подготовки новых кадров;
- укомплектования должностей руководящего состава от начальника ОО НКВД бригад, дивизий и выше за счет выдвижения проверенных работников, имеющих опыт оперативной работы.

Оперативный состав, выделенный в резерв, впредь до назначения на штатную должность использовался на работе в аппарате особого отдела НКВД фронта или военного округа и содержался за счет общего некомплекта особых отделов НКВД²⁰. Принятые меры в определенной мере способствовали решению кадровой проблемы в органах военной контрразведки.

Определенная работа по повышению квалификации оперативного состава осуществлялась и непосредственно во фронтовых особых отделах. В ходе ожесточенных боев 1941 — начала 1942 г. органы военной контрразведки, как и войска, понесли серьезные потери в личном составе. Оперативные подразделения получали новое пополнение, однако прибывающие работники зачастую не имели профессионального образования. Руководство органов на местах решало проблему повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников различными способами.

Например, некоторое затишье на юго-западном направлении позволило руководству особого отдела НКВД Юго-Западного фронта в феврале 1942 г. организовать занятия с оперативным составом. В этом была острая необходимость. В особых отделах дивизий, насчитывавших, включая вспомогательный персонал, 20–25 сотрудников, кадровых чекистов, имевших опыт оперативной работы, осталось к этому времени по 5–6 человек. Остальные сотрудники были в основном из политработников и обычных войсковых офицеров, направленных в военную контрразведку. Оперативную работу они знали слабо и имели смутное представление о действовавших против войск фронта разведывательных и контрразведывательных органах противника. Поэтому основной упор в ходе подготовки был сделан на изучение всем оперативным составом методов подрывной деятельности вражеской разведки и организации контрразведывательной работы.

Напряженная обстановка на всех фронтах и особенно под Сталинградом, активные действия вражеской разведки побудили руководство военной контрразведки провести в августе 1942 г. мероприятия «по укреплению особистских кадров полков, дивизий и армий». В рамках этих мероприятий было решено:

- откомандировать на постоянную работу на фронт из аппарата УОО НКВД СССР 60 сотрудников из числа заместителей начальников отделов, начальников отделений, заместителей начальников отделений, старших оперуполномоченных и оперуполномоченных — для использования их на работе в особых отделах армий и дивизий;

- перебросить из особых отделов фронтов в особые отделы армий по 20 оперработников из начальников отделений, заместителей начальников отделений, старших оперуполномоченных и оперуполномоченных для использования в особых отделах армий, дивизий и полков;

- направить из особых отделов армий по 15 оперработников данной категории для использования особыми отделами дивизий в полках;

- перебросить из аппаратов особых отделов военных округов по 15 оперработников для работы в составе особых отделов дивизий действующей армии на уровне полков.

Взамен направленных предусматривалось перевести из особых отделов НКВД дивизий, армий и фронтов соответствующее количество оперработников для укомплектования особых отделов армий, фронтов, округов и УОО НКВД СССР. За оперработниками, направленными «на укрепление», сохранялись прежние оклады содержания. Особо подчеркивалось, что направлению подлежали только опытные сотрудники²¹.

Штатная численность особых отделов фронтов составляла 99–141 человек, армий — 56, танковых армий — 26, воздушных армий — 19. В особом отделе НКВД стрелковой и кавалерийской дивизии по штату насчитывался 21 сотрудник, в танковой дивизии — 25, в авиационной дивизии — 7.

На середину октября 1942 г. возглавляли особые отделы НКВД фронтов: Карельского — старший майор госбезопасности А. М. Сиднев, Ленинградского — старший майор госбезопасности А. С. Быстров, Волховского — старший майор госбезопасности Д. И. Мельников, Северо-Западного — старший майор госбезопасности И. Я. Бабич, Калининского — старший майор госбезопасности Н. Г. Ханников, Западного — комиссар госбезопасности 3 ранга

Л. Ф. Цанава, Брянского — старший майор госбезопасности Н. А. Королев, Воронежского — старший майор госбезопасности А. А. Вадис, Юго-Западного — майор госбезопасности Г. А. Мельников (заместитель начальника), Донского — майор госбезопасности В. М. Казакевич (заместитель начальника).

Таким образом, перестройка деятельности органов военной контрразведки с началом войны представляла собой набор первоочередных неотложных мероприятий: постановку новых задач, организационную реформу, меры по ускорению подготовки кадров и созданию особых отделов новых воинских формирований. В основном она была завершена к концу 1941— началу 1942 г. Оперативная деятельность особых отделов претерпела существенные изменения и в значительной мере опиралась на законодательство военного времени. На первый план в начальный период войны вышли борьба органов военной контрразведки с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб противника и оказание помощи командованию в стабилизации положения на фронте, наведение порядка в войсках и прифронтной полосе.

Борьба органов военной контрразведки с разведывательно-диверсионной деятельностью спецслужб противника

С началом военных действий спецслужбы фашистской Германии, а затем и Финляндии, Румынии, Венгрии начали массированную заброску своей агентуры в прифронтную полосу и тыловые районы СССР. Помимо сбора разведывательной информации в интересах своего командования они стремились путем проведения диверсий, террористических актов, организации повстанческих выступлений дезорганизовать управление частями и соединениями Красной армии, сорвать воинские перевозки, дестабилизировать положение как в прифронтной полосе, так и в глубокоом тылу.

О масштабах этой деятельности свидетельствует то, что в разгар Великой Отечественной войны на восточном фронте противник развернул около 200 разведывательных органов и школ²². Забрасываемые через линию фронта агенты и диверсанты были экипированы большей частью в форму красноармейцев, имели при себе соответствующие документы прикрытия, оружие, взрывчатые вещества, коротковолновые радиостанции.

Основной удар в борьбе с разведывательно-диверсионной деятельностью спецслужб противника приняли на себя органы военной контрразведки действующей армии. Однако как руководство, так и оперативный состав в первые недели и месяцы войны не имели еще реального представления об организации спецслужб противника, стратегии и тактике их деятельности. Многие не только рядовые сотрудники, но даже руководители органов не знали, к примеру, о существовании абвера. Однако уже через месяц руководству военной контрразведки стало ясно, что противник практикует массовую заброску агентуры, приобретенной из числа советских военнопленных, в прифронтную полосу и глубокий тыл.

Как показала практика, для заброски агентов в зону боевых действий немецкая разведка широко применяла сухопутный способ проникновения через передний край линии фронта. Переброску агентов спецслужбы противника чаще всего осуществляли на непродолжительный срок, после чего они должны были возвращаться в разведывательный орган. Легенды, которые вражеская разведка разрабатывала для агентов, были в основном несложными и вытекали из общей обстановки, сложившейся на фронтах. Как правило, они выдавали себя за военнослужащих, вышедших из окружения или отставших от подразделений, а также за гражданских лиц, бежавших с территории, временно оккупированной врагом. Экипировка вражеских агентов производилась в соответствии с легендами.

В этот период немецкая разведка ориентировалась на массовое использование слабо подготовленных агентов, рассчитывая, что если даже небольшая часть из них выполнит задание, будет достигнут определенный оперативный результат. «В распоряжение штабов немецких армий, — заявлял позднее руководитель абвера В. Канарис, — направлялись многочисленные группы агентов... Группы использовали трофейное русское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы. Они должны были проникать в советский тыл на глубину 50—300 км перед фронтом наступающих немецких армий, с тем чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений, обращая особое внимание на сбор сведений о русских резервах, о состоянии железных и прочих дорог, а также о всех мероприятиях, проводимых противником»²³.

Делая ставку на молниеносную войну, в первые месяцы боевых действий основное внимание немецкая разведка обращала на фронт и прифронтовую полосу, где осуществлялся сбор разведывательной информации, исходя из текущих потребностей военного командования. Продолжающееся отступление советских войск, отсутствие зачастую сплошной линии фронта, значительная протяженность фронтовых коммуникаций — всё это создавало условия для безнаказанного проникновения агентуры противника в советский тыл. При переброске агентов немецкая разведка ставила перед ними задачу вести сбор разведывательных данных путем личного наблюдения в пути следования по заданному маршруту, подслушивать и выведывать у военнослужащих сведения, представлявшие военную тайну. Диверсионно-разведывательные группы противника пытались дезорганизовать управление советскими войсками и работу органов тыла.

Быстрое продвижение вражеских войск позволило спецслужбам врага в ряде случаев собрать ценную разведывательную информацию об основных группировках советских войск и без использования агентуры. Немецкими войсками в первые месяцы войны было захвачено большое количество различных документов и материалов войсковых штабов, партийных и советских органов, шифров. Другим важным источником служили показания советских военнопленных.

Тем не менее масштабы заброски вражеской агентуры, завербованной в основном из числа советских военнопленных, в прифронтовую полосу были значительными. Помимо военнопленных спецслужбы противника использовали и другие возможности. К примеру, подразделения абвера в ряде случаев практиковали вербовку и засылку в советский тыл агентуры из числа подростков, женщин. Такого рода агенты заводили знакомства среди военных, стремились устроиться на работу в воинские части в качестве медсестер, официанток, прачек и т. п. В этой связи НКВД СССР было дано указание особым отделам работавших в частях Красной армии и до этого бывших в плену женщин задерживать, допрашивать об обстоятельствах пленения и выхода с территории противника, а уличенных в шпионаже арестовывать.

Столкнувшись с масштабной заброской вражеской агентуры через линию фронта, особые отделы НКВД в первые месяцы войны сделали упор на режимно-заградительные меры. Они осуществлялись, как правило, с участием войск НКВД по охране тыла действующей армии. С июля 1941 г. заградительные отряды начали также укомплектовываться военнослужащими рот и батальонов особых отделов армий и фронтов. В задачи этих отрядов входили задержание дезертиров, агентов спецслужб противника, всех подозрительных лиц, проникающих на линию фронта, и проведение предварительного расследования с последующей передачей материалов вместе с задержанными по подсудности²⁴.

К организации заградительной службы были привлечены и силы воинских гарнизонов в прифронтовой полосе. Они организовывали засады, посты, заслоны на перекрестках, путях движения беженцев, подходах к крупным населенным пунктам. Кроме того, по поручению контрразведчиков для поддержания порядка и проверки документов стали высылаться воинские патрули на железнодорожные станции, практиковалась сплошная одновременная проверка документов у пассажиров в поездах. К 20 июля 1941 г. заградотряды и оперативные заслоны уже существовали на всех фронтах²⁵.

В директиве Управления особых отделов НКВД СССР от 28 июля 1941 г. об усилении работы заградительных отрядов подчеркивалась важность их использования в интересах

контрразведки и приводились конкретные примеры задержания немецких агентов, экипированных в форму красноармейцев и имевших задания шпионского либо пропагандистского характера. Примечательно, что в документе ставилась задача сбора сведений о сотрудниках вражеских разведорганов, обстоятельствах вербовки, способах переброски разоблаченных агентов противника и т. п. Полученные в процессе следствия материалы предписывалось использовать в оперативной работе и, кроме того, направлять в Управление особых отделов НКВД СССР.

Изложенные в директиве требования по выявлению вражеской агентуры сопровождались и некоторыми спорными положениями. Так, директива предписывала «всех лиц, возвратившихся из германского плена, как задержанных заградительными отрядами, так и выявленных агентурным и другим путем, арестовывать и тщательно допрашивать об обстоятельствах пленения и побега или освобождения из плена. Если следствием не будут добыты данные о причастности их к органам германской разведки, таких лиц из-под стражи освобождать и направлять на фронт в другие части, установив за ними постоянное наблюдение как со стороны органов особого отдела, так и со стороны комиссара части»²⁶.

Применение возможностей заградительной службы в ряде случаев сопровождалось и выселением «социально опасных и неблагонадежных лиц» из прифронтовой полосы. К примеру, согласно приказу командования Северо-Западного фронта от 25 июля 1941 г. в трехдневный срок из прифронтовой полосы выселялись по спискам, представленным соответствующими органами НКГБ и НКВД, бывшие кулаки, лица, судимые в прошлом за контрреволюционные преступления, имевшие переписку с родственниками, проживавшими в Германии и Финляндии, а также уголовные преступники и лица, враждебно настроенные к советской власти²⁷.

Широко использовались возможности заградительной службы для выявления агентов по признакам фиктивности документов и особенностям экипировки. Разведывательные органы противника в ряде случаев допускали в этом отношении серьезные ошибки. Например, контрразведчики установили, что в фиктивные красноармейские книжки, которыми снабжались агенты, сотрудники немецкой разведки вставляли скрепку из нержавеющей стали, и она всегда была чистой и блестящей. Подлинные же красноармейские книжки соединялись обычной железной скрепкой, которая оставляла ржавые следы, и т. п. Во многих органах военной контрразведки были разработаны специальные памятки-инструкции по признакам проверки документов. Определенную роль в выявлении вражеских агентов по признакам фиктивности документов сыграл приказ НКО СССР № 330 от 7 октября 1941 г., согласно которому в Красной армии вводилась единая красноармейская книжка и устанавливалась особая литеровка документов, менявшаяся через каждые 10–15 дней.

Борьба с разведывательной и диверсионной деятельностью неприятельских спецслужб осуществлялась органами военной контрразведки во взаимодействии с территориальными органами НКВД. Так, 24 июня 1941 г. СНК СССР принял специальное постановление о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. Ликвидация последних была возложена на органы НКВД. В развитие этого постановления народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия 25 июня 1941 г. подписал приказ, в соответствии с которым было предусмотрено организовать в НКВД СССР штаб, а в республиканских наркоматах внутренних дел и управлениях НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области, Мурманской, Калининской областям, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Ростовской области, Краснодарскому краю и западной части Грузинской ССР — оперативные группы, отвечающие за организацию борьбы с вражескими парашютистами и диверсантами.

Наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД республик, краев и областей совместно с органами НКГБ было предписано в 24 часа организовать при городских, районных и уездных отделах (отделениях) НКВД истребительные батальоны по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника численностью 100–200 человек каждый и об исполнении донести по телеграфу²⁸. Между особыми отделами (третьими подразделениями),

начальниками истребительных батальонов и другими структурами НКВД была налажена постоянная связь и в необходимых случаях организовано взаимодействие.

Однако, несмотря на принимаемые меры, в первые месяцы войны фашистскими диверсантами были выведены в прифронтовой полосе из строя некоторые линии и узлы связи, вследствие чего нарушено устойчивое управление войсками со стороны штабов фронтов и армий. В значительной мере это явилось результатом действий диверсионных групп, засланных гитлеровцами в советский тыл еще накануне войны²⁹. Некоторые акции диверсантам противника удалось совершить и в глубоком тылу Советского Союза. Так, в августе 1941 г. на Кировской и Октябрьской железных дорогах было совершено семь диверсионных актов³⁰.

К осени 1941 г. руководство органов военной контрразведки осознало необходимость и важность централизованного накопления и анализа данных о деятельности разведывательных органов противника. Между тем фактически сложившийся порядок работы с задержанной вражеской агентурой в органах военной контрразведки не способствовал положительному решению данной задачи. Чтобы исправить положение, особые отделы НКВД фронтов издали ряд распоряжений по улучшению следственной работы по делам арестованной агентуры противника.

Так, в указании особого отдела НКВД Южного фронта от 18 ноября 1941 г. констатировалось, что следствие в особых отделах армий, дивизий, бригад по делам на разоблаченных агентов врага велось поверхностно, не выяснялись детали и обстоятельства, которые можно было бы использовать в розыске другой забрасываемой агентуры (способы связи и т. п.). Это лишало органы безопасности возможности проведения острых контрразведывательных мероприятий, например, по проверке агентуры противника. В связи с этим начальник особого отдела НКВД Южного фронта П. В. Зеленин дал указание всё следствие по делам разоблаченной агентуры противника сосредоточить в следственных частях особых отделов НКВД фронта и армий и в особом отделе НКВД по охране тыла фронта. Начальникам особых отделов НКВД армий предписывалось ввести в практику работы по линии контрразведки проверку неприятельской агентуры, особенно из числа военнослужащих РККА, изучать методы работы вражеской разведки, ее личный состав и широко использовать полученные данные для сбора разведывательных материалов о войсках противника. Проверку и выброску такой агентуры за линию фронта и задания следовало предварительно согласовывать с особым отделом НКВД фронта³¹.

В процессе непрерывной борьбы с агентурной разведкой противника к концу 1941 г. постепенно начала складываться система специальных розыскных мероприятий, проводившихся органами военной контрразведки. Она включала в себя организацию наблюдения за вероятными маршрутами движения шпионов, диверсантов и террористов к местам дислокации войсковых частей и соединений Красной армии; осмотр возможных мест появления или укрытия вражеских агентов; проверку подозрительных лиц, появляющихся в полосе боевых действий; использование в розыске заградительной службы и т. д. Достаточно активно стали использовать особые отделы НКВД и явившихся с повинной вражеских агентов. Находясь в составе оперативно-розыскной группы, они визуально опознавали тех лиц, которые им были известны по совместному нахождению в немецком разведывательном органе или разведшколе.

Важную роль в розыске вражеской агентуры, снабженной радиостанциями, играла радиоконтрразведывательная служба. Ее подразделениями за годы войны было перехвачено большое количество радиодонесений действовавших в советском тылу агентов немецкой разведки. Для фиксации работы агентурных радиостанций противника на территории, занятой советскими войсками, формировались специальные розыскные радиопеленгаторные группы. Служба радиоконтрразведки оказывала эффективную помощь органам безопасности и военной контрразведки в организации и проведении радиоигр с разведкой противника. Кроме того, подразделения радиоконтрразведки органов безопасности осуществляли разведку в эфире, пеленгование радиостанций, радиоперехват и дешифровку радиোগрам военного командования и разведывательных органов противника. За годы войны военному коман-

дованию были переданы тысячи расшифрованных радиogramм о дислокации и численном составе основных группировок немецких войск, готовящихся наступательных операциях противника, сосредоточении резервов и прочем, что помогало советскому военному командованию принимать правильные решения при разработке боевых операций.

Эффективным оружием в арсенале органов военной контрразведки стали перевербовка задержанной и явившейся с повинной агентуры и внедрение ее в разведорганы и разведшколы противника, а также ведение радиоигр. Они начали применяться особыми отделами НКВД уже в 1941 г. В ходе радиоигр удавалось перехватывать каналы связи разведывательных органов противника со своими агентами, выводить на нашу территорию вражеских шпионов и захватывать их. Одну из первых радиоигр органы военной контрразведки провели в сентябре 1941 г., в ходе которой особый отдел Северо-Западного фронта задержал 10 вражеских агентов.

Радиоигры с противником вели в 1941 г. как территориальные органы государственной безопасности, так и органы военной контрразведки. Во избежание противоречий в дезинформации, которые могли вызвать подозрения у немецко-фашистской разведки и гитлеровского командования, работа по использованию захваченных вражеских агентов с радиостанциями была централизована. Тексты радиogramм разрабатывались органами контрразведки совместно с Генштабом Красной армии и утверждались руководством Генштаба, а особенно важные — Ставкой ВГК. Все сеансы связи контролировались радиоконтрразведывательной службой. К участию в радиоиграх привлекались задержанные и перевербованные немецкие агенты-радисты, а также агенты органов госбезопасности, внедренные в германские разведорганы и переброшенные затем противником на советскую территорию с радиостанциями. Сотрудники особых отделов тщательно следили за реакцией противника на передаваемые ему сообщения. При малейших признаках недоверия с его стороны в радиоигру вносились соответствующие изменения.

Существенную роль в разоблачении агентуры неприятеля и других преступных элементов в начальный период войны сыграла проводимая органами безопасности фильтрация советских военнослужащих, вышедших из окружения или бежавших из фашистского плена. Механизм этой работы складывался постепенно. В первые месяцы войны, когда глубокий тыл быстро превращался в передовую, эту работу особым отделам НКВД приходилось налаживать на ходу. Между тем по состоянию на 29 сентября 1941 г. только на Юго-Западном фронте из окружения вышли 9084 человека: младших командиров и рядовых — 6766, среднего состава — 2227, старшего состава — 76, высшего состава — 15 человек. За это же время вышли из окружения 116 сотрудников особого отдела НКВД Юго-Западного фронта. Все вышедшие из окружения были проверены особыми отделами³².

С первых дней войны в соответствии с военно-стратегическими планами фашистского командования по захвату Москвы и Ленинграда основные силы немецкой разведки были сконцентрированы на центральном и северном направлениях. Осенью 1941 г. только на московском направлении действовали три абверкоманды, 19 абвергрупп, особая команда полиции безопасности и СД «Москва», около 10 особых и оперативных команд и другие разведывательные и карательные органы гитлеровцев.

В противоборстве с сильными спецслужбами противника летом — осенью 1941 г. особые отделы НКВД постепенно приобретали опыт ведения контрразведывательной работы в условиях боевых действий. Несмотря на имевшиеся трудности, уже в период битвы за Москву органами военной контрразведки был разоблачен ряд немецких агентов, прошедших специальную подготовку в городах Борисове и Смоленске и переброшенных в советский тыл на тульском участке фронта с заданием внедриться в штабы и воинские части. Кроме того, агентам поручалось проникнуть в Москву для сбора сведений о расположении минированных участков, ходе эвакуации, дислокации аэродромов, эффективности бомбардировок города немецкими самолетами и многом другом. Арестованные агенты назвали еще 65 советских военнопленных, завербованных немецкой разведкой и частью уже заброшенных в советский тыл³³.

Активная работа по розыску вражеской агентуры проводилась и на других фронтах. Так, согласно сообщению НКВД СССР в ГКО от 29 ноября 1941 г. особым отделом НКВД Северо-Западного фронта в октябре 1941 г. была выявлена и арестована переброшенная через линию фронта в районе Кресцы — Валдай группа агентов немецкой военной разведки из 17 человек. Арестованные показали, что имели задание по сбору сведений о расположении штабов, аэродромов, складов с боеприпасами и продовольствием, передвижениях артиллерийских и танковых частей Красной армии.

В тылу страны контрразведывательные подразделения территориальных органов и особых отделов НКВД во второй половине 1941 г., занимаясь преимущественно борьбой с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб фашистской Германии, обратили внимание на некоторую активизацию работы с легальных позиций английских спецслужб. 25 сентября 1941 г. 3-е управление НКВМФ СССР направило сообщение народному комиссару Военно-морского флота СССР Н. Г. Кузнецову о проведении разведывательной деятельности на Черноморском флоте представителями английской военно-морской миссии. Находившиеся на Черноморском флоте члены миссии Фокс и Эмброуз путем личного наблюдения и бесед с командным составом пытались подробно выяснить, какое вооружение имеется на том или другом корабле, каковы их тактические и ходовые качества и т. д.³⁴ В начале ноября 1941 г. сходное сообщение об активизации разведывательной деятельности сотрудников английской военно-морской миссии в Архангельске направил в Москву 3-й отдел Беломорской военной флотилии.

Поступавшая по этим и другим каналам информация о деятельности англичан стала основанием для издания указаний НКВД СССР от 27 ноября 1941 г. начальникам УНКВД по Архангельской и Мурманской областям, начальникам третьих отделов Северного флота и Беломорской военной флотилии об агентурно-оперативных мероприятиях по пресечению шпионской деятельности английской разведки на севере СССР. В нем констатировалось, что английские разведывательные органы внедряют в число официальных военных и экономических представительств в СССР крупных разведчиков, которые используют для сбора шпионских сведений кадры офицеров и унтер-офицеров английской армии и флота, находящиеся на территории СССР. Требовалось улучшить взаимодействие в работе по пресечению шпионской деятельности англичан между КРО УНКВД по Архангельской и Мурманской областям, третьими отделами Северного военного флота, Беломорской флотилии и особым отделом Архангельского военного округа. Перед названными органами ставилась задача выявлять из числа союзников, находящихся на нашем Севере, занимающихся разведывательной деятельностью лиц, устанавливать их подозрительные связи среди личного состава флота и частей Красной армии, а также среди местного населения и т. п.³⁵

Однако главные события, связанные с противоборством спецслужб, развивались на фронтах Великой Отечественной войны. Только в ходе битвы под Москвой в зоне боевых действий и в тылу войск Западного фронта органы военной контрразведки во взаимодействии с территориальными органами безопасности обезвредили свыше 200 фашистских агентов и более 150 диверсионно-разведывательных групп противника³⁶.

К концу 1941 г. фронтовые органы военной контрразведки подвели первые итоги борьбы с вражеской агентурой и диверсантами с начала войны. Так, согласно спецсообщению особого отдела НКВД Ленинградского фронта от 16 декабря 1941 г. № 145636, направленному в адрес члена Военного совета Ленинградского фронта, секретаря ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданова, контрразведчиками фронта за этот период были «арестованы и репрессированы за шпионаж, диверсионную деятельность и других лазутчиков германской разведки 143 человека, из них: а) агентов германской разведки, завербованных до войны — 27 человек; б) резидентов германской разведки — 2 человека; в) агентов из числа быв. военно-служащих, находившихся в плену, — 84 человека; г) агентуры из жителей местностей, занятых противником, — 24 человека; д) агентов из жителей прифронтовой полосы — 6 человек»³⁷.

Военные контрразведчики к этому времени установили, что основной «базой» германских разведорганов до начала войны являлись антисоветские зарубежные организации, в

том числе ОУН, и специально подготовленные шпионские группы из числа лиц немецкой национальности. С началом боевых действий они составили костяк агентов, засылавшихся в советский тыл в составе групп с разведывательными заданиями. Так, в конце июля 1941 г. в Лужском укрепрайоне были задержаны два немецких агента: Я. Карафиат — студент Пражского медицинского института, и К. Шункару — украинец, румынский подданный. В ходе следствия было установлено, что группа агентов германской разведки, в которую входили арестованные, в красноармейской форме была переброшена за линию фронта с задачей пробраться в район Пулково, откуда по радио передавать сведения о передвижении частей Красной армии. Группа была снабжена радиопередатчиком, шифром и оружием³⁸.

С продвижением вражеских войск в глубь советской территории немецкая разведка перешла к упрощенным методам работы и стала активно использовать в качестве агентов попавших в плен военнослужащих частей Красной армии, изменников Родины, перешедших на сторону врага, «враждебный элемент» из населения местностей, временно занятых противником, а в некоторых случаях и подростков. Подобного рода агентура в начальный период войны получала поверхностную подготовку и собирала сведения преимущественно в интересах военного командования тактического уровня.

Аналогичная картина в целом складывалась и на западном направлении. В докладной записке особого отдела НКВД Западного фронта от 30 декабря 1941 г. № 70991-сч командующему фронтом Г. К. Жукову и члену Военного совета фронта Н. А. Булганину были приведены данные о результатах работы особых отделов фронта за период с 22 июня по 28 декабря 1941 г. Всего были арестованы и разоблачены 505 агентов немецкой разведки, из них: завербованных до войны — 4, переброшенных через фронт из числа военнопленных — 380, жителей временно занятых противником районов — 76, жителей прифронтовой полосы — 43, внедренной в штабы войсковых соединений агентуры — 2. Особый отдел фронта сделал вывод о том, что немецкая разведка в условиях военной обстановки осуществляет массовую вербовку агентуры, особенно из числа военнопленных и добровольно перешедших на сторону врага. Особенно интересовало германскую разведку московское направление, куда забрасывалась основная масса завербованной агентуры³⁹.

Следует оговориться, что при оценке количественных показателей деятельности органов военной контрразведки в 1941–1942 гг. необходимо учитывать их относительную достоверность. В тяжелейших условиях первого периода войны, не владея в полной мере информацией о тактике противника, оперативные и следственные подразделения военной контрразведки и территориальных органов безопасности в ряде случаев допускали ошибки, которые трагически сказывались на судьбах конкретных людей. Среди руководства и оперативного состава порой складывалось искаженное либо преувеличенное представление о реальной направленности разведывательно-подрывной деятельности вражеских спецслужб.

Как следует из приведенного выше спецсообщения особого отдела НКВД Ленинградского фронта, военные чекисты к концу 1941 г. пришли к твердому убеждению, что завербованным красноармейцам и младшим командирам немцы дают в основном задания по разложению воинских частей Красной армии при помощи пропаганды пораженческих взглядов, распространения паники, провокационных слухов о мощи немецкого оружия, о «хорошей» жизни для сдавшихся в плен военнослужащих и т. п. Именно в таком направлении велось и следствие в отношении подозрительных лиц, задержанных в прифронтовой полосе, либо вышедших из окружения советских военнослужащих. Ряд показаний подследственных, по-видимому, был получен под давлением, носит расплывчатый характер и в этой связи вызывает сомнения в достоверности.

После начала наступления под Москвой в конце 1941 — начале 1942 г. были приняты меры по упорядочению фильтрационной работы органов военной контрразведки. Особыми отделами НКВД на освобожденной частями Красной армии территории было обнаружено значительное количество бывших советских военнопленных и лиц, находившихся в окружении противника. По мнению Л. П. Берии, эту категорию лиц необходимо было тщательно

проверять и выявлять среди них «изменников Родины, шпионов и дезертиров». Об этом 25 декабря 1941 г. он написал И. В. Сталину, предложив создать специальные лагеря НКВД⁴⁰.

27 декабря было принято постановление ГКО, которым Наркомат обороны обязывался создать сборно-пересыльные пункты (СПП) для помещения в них бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника, обнаруживаемых в освобожденных местностях. В этот же день был отдан приказ наркома обороны И. В. Сталина № 0521 о формировании армейских СПП (один на армию) и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктов (ФПП), специальных лагерей для проверки военнослужащих, освобожденных из плена. Их число не было постоянным и колебалось в зависимости от обстановки на фронтах.

28 декабря 1941 г. появился приказ НКВД СССР, которым было поручено заместителям наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышеву и И. А. Серову в трехдневный срок организовать специальные лагеря НКВД: Грязовецкий (Вологодская область), Южский (Ивановская область), Тамбовский (Тамбовская область), Новоаннинский (Сталинградская область). В последующем было создано еще шесть лагерей⁴¹. В эти лагеря направлялись все военнопленные, задержанные на освобожденной от противника территории для первичной проверки. В ходе фильтрации осуществлялся личный досмотр и бралось письменное объяснение об обстоятельствах пребывания в плену. Завершалась проверка во фронтовых фильтрационных лагерях и спецлагерях НКВД и сборно-пересыльных пунктах. На 29 января 1942 г. в спецлагерях НКВД содержались 32 147 бывших военнослужащих Красной армии и Военно-морского флота, ранее находившихся в плену и окружении противника⁴². Спустя месяц, по состоянию на 23 февраля 1942 г., всего были освобождены из плена и собраны из находившихся в окружении лиц уже 128 132 человека⁴³.

В ходе наступления под Москвой в начале 1942 г. части Красной армии освободили ряд городов и районов, где в течение нескольких месяцев хозяйничали фашистские оккупанты. Первыми в освобожденные населенные пункты вместе с боевыми подразделениями вступали органы военной контрразведки. В отсутствие других правоохранительных органов и органов власти военные контрразведчики должны были принимать по горячим следам неотложные меры по задержанию агентуры спецслужб противника, немецко-фашистских пособников, выявлять и изымать оставленную немецкими разведорганами документацию. Таким образом, на период наступления наиболее актуальными задачами для органов военной контрразведки стали задержание на освобожденной территории лиц, активно сотрудничавших с оккупантами, а также борьба с разведывательной деятельностью спецслужб противника непосредственно на линии фронта и в прифронтовой полосе.

18 февраля 1942 г. НКВД СССР издал указание № 64 о задачах и порядке организации оперативно-чекистской работы на освобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории СССР. В указании предписывалось немедленно с изгнанием оккупантов восстанавливать в освобожденных районах органы государственной безопасности. Для этого территориальным органам направлять в освобожденные города и районы заранее подготовленные оперативно-чекистские группы НКВД, которые развертывали свою работу по договоренности с особыми отделами НКВД.

Как органы военной контрразведки, так и территориальные органы НКВД начинали свою работу на освобожденной территории с арестов всех выявленных пособников оккупантов, оставленной фашистскими спецслужбами агентуры, диверсантов и террористов. Сотрудники органов военной контрразведки опрашивали местных жителей, заявителей в отношении лиц, оказывавших содействие оккупантам, тщательно изучали захваченные документы немецких учреждений. Особое внимание уделялось выявлению и постановке на учет личного состава немецких разведывательных, контрразведывательных, полицейских и административных органов, их агентуры, в том числе оставленной на освобожденной территории, изменников Родины, участников карательных отрядов, других предателей и пособников, участников созданных оккупантами националистических и различных антисоветских организаций. Перечисленные лица подлежали немедленному аресту.

Весьма внушительным был и перечень лиц, которые хотя и не арестовывались, но подлежали проверке и контролю со стороны органов безопасности. В условиях военного времени и особенно применительно к 1941–1942 гг. в него попали и некоторые категории жителей оккупированной территории, которые с позиций сегодняшнего дня не представляют опасности для государства. В частности, к ним относили владельцев жилых домов, в которых размещались учреждения оккупантов, членов и кандидатов в члены ВКП(б) и ВЛКСМ, прошедших регистрацию у немцев, содержателей притонов и домов терпимости, всех без исключения лиц, служивших в созданных немцами учреждениях и предприятиях и т. п. Подлежали взятию на учет бывшие троцкисты, правые, представители других бывших антисоветских партий, оказавшиеся на оккупированной территории.

Исключения делались для насильственно мобилизованных немцами, а также мелких служащих (истопников, уборщиц, рядовых канцелярских служащих). Последние арестовывались только при наличии конкретных материалов о совершении предательства. Для выявления оставленных немцами агентов, а также складов оружия и боеприпасов военные контрразведчики через местное население устанавливали лиц, которые не являлись жителями данной местности, организовывали тщательный осмотр всех подвальных, чердачных и складских помещений, разрушенных зданий⁴⁴.

Задачей первостепенной важности в начале 1942 г. продолжал оставаться розыск забрасываемой гитлеровскими спецслужбами агентуры в прифронтовую полосу и глубокий советский тыл. К этому времени стало ясно, что противник поставил обучение своей агентуры на поток и развернул на оккупированной территории многочисленные разведывательные органы и школы. По некоторым зарубежным оценкам, основанным на анализе архивных документов абвера, в период с 1942 по 1944 г. эта спецслужба постоянно имела за линией советского фронта 500–800 агентов. Только в группе армий «Центр» немецко-фашистской разведкой ежедневно забрасывалось в советский тыл 8–10 агентов⁴⁵.

20 февраля 1942 г. было издано указание НКВД СССР № 66 об усилении оперативно-чекистской работы по выявлению агентуры разведывательных органов воюющих с СССР стран, которое ориентировало органы безопасности на розыск забрасываемой в тыл обученной в разведывательных школах агентуры⁴⁶. В последующие месяцы органами военной контрразведки были достигнуты при решении этой задачи определенные положительные результаты. Так, 6 апреля 1942 г. особым отделом Калининского фронта были арестованы агенты-радиисты германской военной разведки Г. Ф. Фоменко и И. М. Дьяченко. У задержанных изъяли радиостанцию, два пистолета, два парашюта, поддельные документы, 4 тыс. рублей советскими дензнаками и запас продовольствия на 10 дней. Оба агента были одеты в форму военнослужащих Красной армии и снабжены соответствующими документами. На допросе Фоменко и Дьяченко показали, что они находились в лагере военнопленных, откуда были отобраны и направлены в разведывательную школу в г. Борисов, а после обучения заброшены в советский тыл для ведения разведки на коммуникациях войск Красной армии⁴⁷.

Отличительной особенностью начального периода войны являлась периодическая заброска агентуры в составе групп численностью до 15–20 человек. К примеру, 25 февраля 1942 г. в комендатуру станции Веженка, расположенную в 7 км от г. Белева (Западный фронт), прибыла группа бывших военнопленных в составе 10 человек. Командир группы лейтенант РККА Карнаух заявил, что военнослужащие являются членами заброшенной в советский тыл диверсионной группы, имеют при себе мины для совершения взрывов на железнодорожных путях и документы военнослужащих НКВД⁴⁸.

Особо следует подчеркнуть, что в указании НКВД СССР № 66 Управлению контрразведки и Управлению особых отделов НКВД было предписано организовать планомерное выявление и изучение дислокации, состава и методов работы разведывательных и контрразведывательных органов воюющих с СССР стран. Ставилась задача практиковать засылку надежной агентуры в тылы противника для подставы ее германским разведорганам с задачей выявления дислокации и личного состава этих органов, а также лиц, подготавливаемых противником к переброске на нашу территорию. Это исключительно важное и своевременное

<p>Шевченко - Волкова Ульянов Гедор Владимирович См. с. 116. В отделе связи с 29.11.43 г. в 613 с/т.</p>  <p>28.2.43 г. Уч. № 1301. 1921 г.р. Школы № 1006 в Уф. № 20649. 1. Вспом.</p> <p>~ 76 ~ 153</p>	<p>Давыдов Зависит Иванович Иванович 30.11.1920 г. 30.11.1920 г.</p>  <p>12.10.43 г. с 29.11.43 г. в 613 с/т.</p> <p>~ 154 апрел</p>	<p>Сыроежкин Иванович Иванович 18.02.1921 г.</p>  <p>38 ~ 155</p>	<p>Брызгалов Иванович Иванович 1.3.43 г. 20.02.1921 г. Адрес: Уф. в. 114. Адрес: Уф. в. 114. Адрес: Уф. в. 114.</p>  <p>~ 156 ~ 157 апрел</p>
---	--	---	---

<p>Павлов Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 144 апрел</p>	<p>Козлов Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 15 апрел</p>	<p>Сидоров Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 16 апрел</p>	<p>Петров Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 17 апрел</p>
---	--	---	--

<p>Борисов Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 21 апрел</p>	<p>Иванов Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 22 апрел</p>	<p>Копылов Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 23 апрел</p>	<p>Петров Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 24</p>
--	---	---	---

<p>Козловский Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 74 апрел</p>	<p>Сидоров Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 75 апрел</p>	<p>Козловский Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 76 апрел</p>	<p>Козловский Иванович Иванович 1921 г.р.</p>  <p>~ 77 апрел</p>
--	---	--	--

Страница альбома с установочными данными на немецких агентов, курсантов Борисовской разведшколы абвера

решение фактически ориентировало органы контрразведки на выявление агентуры противника уже на стадии ее подготовки. Развернувшаяся вслед за этим работа по проникновению во вражеские разведорганы и разведывательные школы была очень сложной по своему исполнению, но принесла с течением времени неплохие результаты и существенно повысила эффективность розыска вражеских агентов.

На протяжении первой половины 1942 г. органы военной контрразведки зачастую путем проб и ошибок продолжали вырабатывать оптимальную для военного времени систему организации своей оперативной работы. В условиях продолжавшихся ожесточенных боев на всех фронтах, от мобилизации новых частей и соединений, значительных потерь среди личного состава военной контрразведки и прихода им на смену сотрудников из территориальных и транспортных органов безопасности войсковых офицеров сделать это было не так просто. Неслучайно основные результаты по разоблачению и задержанию агентуры, диверсантов и террористов спецслужб противника были достигнуты в начальный период войны во многом в результате фильтрационной работы.

Деятельность особых отделов НКВД в годы войны по проверке и фильтрации военнослужащих, вышедших из окружения или бежавших из плена, является объектом критики многих современных исследователей истории советских органов государственной безопасности. Нельзя не согласиться, что для военнослужащих, зачастую с боями вышедших из окружения или бежавших из плена, было морально тяжело проходить проверку и подвергаться допросам со стороны работников особых отделов. Имели место и нарушения, в том числе грубый нажим на проверяемых. Однако нельзя не учитывать остроту переживаемого момента, а также реальную практику спецслужб противника по заброске своей агентуры в советский тыл под соответствующей легендой. К тому же сотрудники особых отделов подходили к организации проверки избирательно. Для военнослужащих, вышедших из окружения в составе подразделений, как правило, проверки не было, либо она была минимальной. Более серьезная работа велась в отношении лиц, вышедших из окружения или бежавших из плена в одиночку либо при сомнительных обстоятельствах.

По мере накопления опыта система мер по розыску агентуры противника органов военной контрразведки совершенствовалась, и уже к концу 1942 г. основные результаты стали приносить оперативно-разыскные, заградительные, чекистско-войсковые и другие оперативные мероприятия, а не фильтрационная работа.

Проверка и опрос военнослужащих, находившихся в плену или вышедших из окружения при сомнительных обстоятельствах, практиковались вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Однако помимо фильтрационной работы военная контрразведка стала получать очень ценную информацию от своих агентов, внедренных в разведывательные органы и разведывательные школы противника, а также из других источников. Результаты зафронтальной работы активно использовались органами военной контрразведки для организации розыска агентов абвера, прошедших обучение в разведывательных и диверсионных школах и заброшенных в советский тыл. Ставшие известными особенности тактики заброски, экипировки агентов и диверсантов врага, признаки фиктивности документов доводились контрразведчиками до военного командования, личного состава, участвовавшего в несении комендантской и патрульно-постовой службы.

Военные контрразведчики установили, в частности, что вражеская разведка снабжает свою агентуру различными советскими и воинскими документами: паспортами, удостоверениями командного и начальствующего состава, красноармейскими книжками, командировочными удостоверениями, оперативными предписаниями и различными справками. Эти документы были частично захвачены разведкой в период наступления германской армии или отобраны у военнопленных и гражданского населения, изъяты у убитых и раненых бойцов, командиров и политработников либо сфабрикованы. К примеру, одна только абергруппа-107, дислоцировавшаяся на оккупированной советской территории в городах Бежице и Орле, в 1941–1943 гг. имела около 20 гербовых печатей штабов различных советских дивизий, до 40 печатей стрелковых полков, свыше 10 печатей эвакогоспиталей, 5–6 печатей армейских

госпиталей, печати штаба Западного фронта, несколько печатей райкомов ВКП(б) и комсомола, гербовые печати горотдела и райотдела НКВД.

В феврале 1942 г. органами военной контрразведки был составлен сборник признаков подделки документов, использования противником экипировки и легенд прикрытия. Во многих частях были разработаны памятки-инструкции по правилам проверки документов.

В период наступательных действий органы военной контрразведки принимали все меры к тому, чтобы захватить официальных сотрудников, агентуру, обслуживающий персонал разведорганов противника, а также их документацию. Изучение трофейной документации, допросы сотрудников и обслуживающего персонала позволяли получить установочные данные на тех агентов, которые были ранее заброшены неприятелем в наш тыл. В ряде случаев ценную информацию удавалось получать и путем опроса населения прифронтовой полосы. Ориентировки о выявленных агентах регулярно рассылались во все органы безопасности для организации их розыска в масштабах страны.

Директивой НКВД СССР от 28 марта 1942 г. № 129 об усилении борьбы с агентурой противника, действующей на нашей территории с поддельными документами, органам контрразведки было предписано организовать во фронтовой и прифронтовой полосе проверку и жесткий контроль документов у всех лиц, передвигающихся в одиночном порядке либо в составе небольших подразделений и команд, а также тщательную фильтрацию задержанных. При проверке документов особое внимание обращать на их подлинность, время выдачи, подписи и содержание документа, обязательно проверяя и сличая все имеющиеся у данного лица документы, практикуя краткий устный опрос. Все граждане мобилизационных возрастов, подозрительные женщины, пытавшиеся завязать знакомство с военнослужащими, а также подростки, обнаруженные в расположении воинских частей и не проживавшие в данном населенном пункте, подлежали задержанию до выяснения их личности и причин появления у линии фронта⁴⁹.

Органы военной контрразведки приняли меры по усилению контроля передвижения военнослужащих и гражданских лиц по проселочным дорогам, в обход населенных пунктов. На этих маршрутах выставлялись специальные посты, секреты, проверявшие документы у подозрительных лиц. Все вызывавшие сомнение задержанные также подлежали фильтрации. Большую роль в выявлении и розыске вражеской агентуры по-прежнему играла развернутая с первых месяцев войны заградительная служба. Она включала в себя контрольно-пропускные пункты и заградительные отряды войск НКВД по охране тыла действующей армии.

Принимаемые меры позволили повысить эффективность борьбы с вражеской агентурой как непосредственно в прифронтовой полосе, так и в глубоком советском тылу. За период с января по июль 1942 г. органами НКВД были в общей сложности арестованы 7755 агентов противника, а всего с начала войны — 11 765 человек. Большая часть была задержана в результате работы органов военной контрразведки и войск по охране тыла действующей армии. Органами НКВД СССР было выявлено к этому времени 36 школ германской военной разведки на временно оккупированной территории, в которых обучались одновременно до 1500 агентов-разведчиков и диверсантов, завербованных врагом главным образом из числа военнопленных командиров и бойцов Красной армии⁵⁰. Как правило, противник забрасывал в начальный период войны свою агентуру через линию фронта группами по 3—4 человека, реже — по 10—20 человек. С марта 1942 г. немецкая разведка начала практиковать также заброску агентуры самолетами.

Уже весной 1942 г. Управление особых отделов НКВД СССР, другие органы безопасности начали направлять на места ориентировки директивы о конкретных разведывательных подразделениях и школах противника, подготовленной в них агентуре, используемых легендах, документах прикрытия и т. п. Со временем в Управлении особых отделов НКВД (позднее ГУКР Смерш НКО) были сформированы литерные дела на конкретные разведслужбы, а работа по ним, включая накопление необходимой информации, стала носить системный характер.

Бывшие сотрудники разведорганов противника после окончания Второй мировой войны достаточно критично оценивали эффективность своей работы по заброске агентуры

в советский тыл. Так, по оценке одного из бывших офицеров абвера, из 100 заброшенных агентов 60 не выполняли свое задание и просто исчезали, примерно 20 являлись с повинной в советские органы безопасности и лишь 20 человек стремились реально работать на немецкую разведку⁵¹.

В сложных условиях первых лет войны в практике работы органов безопасности встречались и факты нарушения законности. Объяснялись они в одних случаях чрезвычайностью обстановки, в других — низким уровнем профессионализма, отсутствием должной правовой подготовки сотрудников, а иногда и стремлением отличиться, получить результат. При проверках состояния дознания и следствия в низовых органах безопасности сотрудники центрального аппарата неоднократно отмечали, что показания арестованных по обвинению в принадлежности к агентуре фашистской разведки вызывали сомнения, в делах присутствовали грубые противоречия. Нередко наличие задания немецкой разведки вообще доказывалось только показаниями самого арестованного.

В процессе допроса задержанных подозрительных лиц отдельные сотрудники органов безопасности и войск по охране тыла применяли недозволенные методы, вплоть до физического воздействия. Такой негативный пример имел место в январе 1942 г. в деятельности 23-го погранполка войск НКВД по охране тыла Южного фронта, когда переданные из полка в особый отдел НКВД фронта задержанные в количестве 21 человека отказались от ранее данных показаний о принадлежности к немецкой разведке. В процессе дальнейшего следствия в особом отделе НКВД 12-й армии выяснилось, что задержанные дали вымышленные показания в связи с применением к ним при допросах методов физического воздействия или уговоров дать показания под предлогом освобождения из-под стражи и устройства на работу. По результатам разбирательства лица, допустившие грубые нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, были арестованы особым отделом НКВД и преданы суду военного трибунала.

Несмотря на сложившуюся на фронтах исключительно тяжелую обстановку, весной — летом 1942 г. руководством органов военной контрразведки были приняты определенные меры по повышению качества следственной работы и укреплению законности в деятельности особых отделов. Группа сотрудников следственной части Управления особых отделов НКВД СССР в середине мая 1942 г. проверила состояние следственной работы в особых отделах Юго-Западного фронта. Позднее аналогичные группы выезжали в особые отделы Калининского, Северо-Западного и Карельского фронтов.

Проверяющие вскрыли ряд серьезных недостатков в деятельности следственных подразделений органов военной контрразведки, главным образом в звене «дивизия — корпус». К примеру, в некоторых органах существовала практика предъявлять обвинения в измене Родине всем лицам, вернувшимся из плена. Не всегда грамотно выстраивалась работа следователей с задержанными агентами и диверсантами противника. Факты нарушения революционной законности были выявлены, в частности, в деятельности органов военной контрразведки Карельского, Калининского, Северо-Западного фронтов и Московского военного округа. Серьезные недостатки в следственной работе объяснялись во многом слабой профессиональной компетентностью следователей, в основном из призванных из запаса работников милиции.

По результатам проверки работы следственных подразделений был издан приказ НКВД СССР от 30 августа 1942 г. № 001854 об устранении недостатков в следственной работе особых отделов НКВД фронтов, армий, флотов, флотилий, военных округов. Приказ требовал не допускать случаев ареста по необоснованным материалам и без санкции прокурора. Начальникам особых отделов НКВД фронтов предписывалось провести расследования по выявленным фактам нарушения законности и виновных наказать. Эту практику рекомендовалось продолжить и впредь. Были предусмотрены меры по оказанию помощи и усилению контроля над работой следственных подразделений, в особых отделах фронтов, армий, флотов, флотилий, военных округов и спецлагерей были проведены совещания оперативного состава по вопросу улучшения следственной работы⁵².

Важной составной частью контрразведывательной деятельности особых отделов НКВД стала работа по поддержанию режима секретности, сохранения государственной и военной тайны. Особое значение придавалось сохранению шифров и штабных оперативных документов. В приказах по линии военной контрразведки указывалось на необходимость охранять шифры, совершенно исключив возможность попадания их в руки противника.

Организуя работу в штабах и шифроорганах, органы военной контрразведки тщательно проверяли личный состав, допущенный к работе с секретными материалами, постоянно контролировали соблюдение военнослужащими правил секретного делопроизводства. Каждый факт утраты секретных документов или изделий становился предметом разбирательства особых отделов НКВД и командования. Виновные привлекались к суровой ответственности. На основании информации, полученной от органов военной контрразведки, командование армий, фронтов неоднократно издавало приказы об устранении недостатков в соблюдении режима секретности в частях и соединениях Красной армии.

На особом контроле у сотрудников военной контрразведки в 1941 г. было также обеспечение охраны боевых машин БМ-13 (катюш). Как известно, 29 июня 1941 г. в Москве была сформирована первая в мире батарея реактивной артиллерии из семи боевых машин БМ-13, командиром которой стал капитан И. А. Флёров. В полосе 16-й армии батарея реактивной артиллерии впервые была применена в начале августа 1941 г. Как вспоминал ее командующий К. К. Рокоссовский, «вначале применение реактивных установок на фронте ограничивалось в целях секретности такими инструкциями, что бывало хоть отказывайся от использования. Многие командиры-артиллеристы поговаривали, что с этими «катюшами» приходится возиться, как с капризной женщиной. Я был вынужден на свой риск внести некоторые упрощения. При умелом использовании реактивные установки давали хорошие результаты»⁵³.

Опыт применения реактивной артиллерии нашел отражение в директиве Ставки ВГК от 1 октября 1941 г. Она требовала дивизионы и батареи М-8 и М-13 применять только по крупным разведанным целям. «Все боевые машины М-8 и М-13 считать совершенно секретной техникой Красной армии. Поэтому эти машины и боеприпасы к ним ни в коем случае не должны попасть в руки врага. К этим машинам во всех условиях боевой обстановки наряжать постоянно надежное и сильное наземное прикрытие. Ответственность за сохранение тайны возложить на командующих фронтами и армиями»⁵⁴.

Но несмотря на принимаемые меры по особой охране катюш, нередко они становились трофеями немецкой армии. Об этом свидетельствовали донесения особых отделов на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Б. М. Шапошникова и Л. П. Берии. Так, 11 октября 1941 г. по телефону в НКВД СССР было доложено о том, что накануне наши войска в г. Мценске оставили девять катюш со снарядами, которые попали в руки врага. Командующий 5-й армией Д. Д. Лелюшенко об этом никому не сообщил⁵⁵. На следующий день в ГКО поступило сообщение о захвате немецкими танковыми подразделениями на огневой позиции на 146 км шоссе Москва — Минск одной установки системы Костикова (катюши) и трех автомашин с 92 снарядами РС, принадлежавших отдельной батарее старшего лейтенанта Денисова. Несмотря на приближение противника, установка не была своевременно вывезена с огневой позиции. Особому отделу НКВД Западного фронта было дано указание принять все меры к уничтожению захваченной установки и снарядов⁵⁶, однако приказ выполнен не был.

Занимаясь вопросами сохранения секретов в действующей армии, органы военной контрразведки обратили внимание и на деятельность военных корреспондентов, многие из которых пренебрегали соблюдением режима секретности. По роду своей работы, а также в силу беспечности некоторых командиров они часто имели доступ к особо секретным материалам о частях и соединениях действующей армии, находились в курсе намечавшихся операций. Поэтому руководство военной контрразведки предложило особым отделам строже подходить к предоставлению информации военным корреспондентам, контролировать их работу и поведение в быту⁵⁷.

Существенную помощь особым отделам НКВД в решении задачи сохранения секретов оказывали подразделения военной цензуры. Они были сформированы по линии 3-го управ-

ления НКО СССР и 3-го управления НК ВМФ СССР в соответствии с постановлением ГКО от 6 июля 1941 г. при военно-почтовых сортировочных пунктах, военно-почтовых базах, военно-почтовых отделениях и т. п. Отделения военной цензуры осуществляли гласный политический контроль всей исходящей и входящей переписки частей Красной армии и Военно-морского флота. Конфискации подлежали письма антисоветского, провокационно-клеветнического характера, с зашифрованным или закодированным содержанием, а также содержавшие сведения, составлявшие военную тайну. В случае, когда в письме имелся текст, содержащий сведения, не подлежащие оглашению, но не враждебного характера, оно направлялось по адресу, но с обязательным вычеркиванием или вырезанием запрещенного фрагмента.

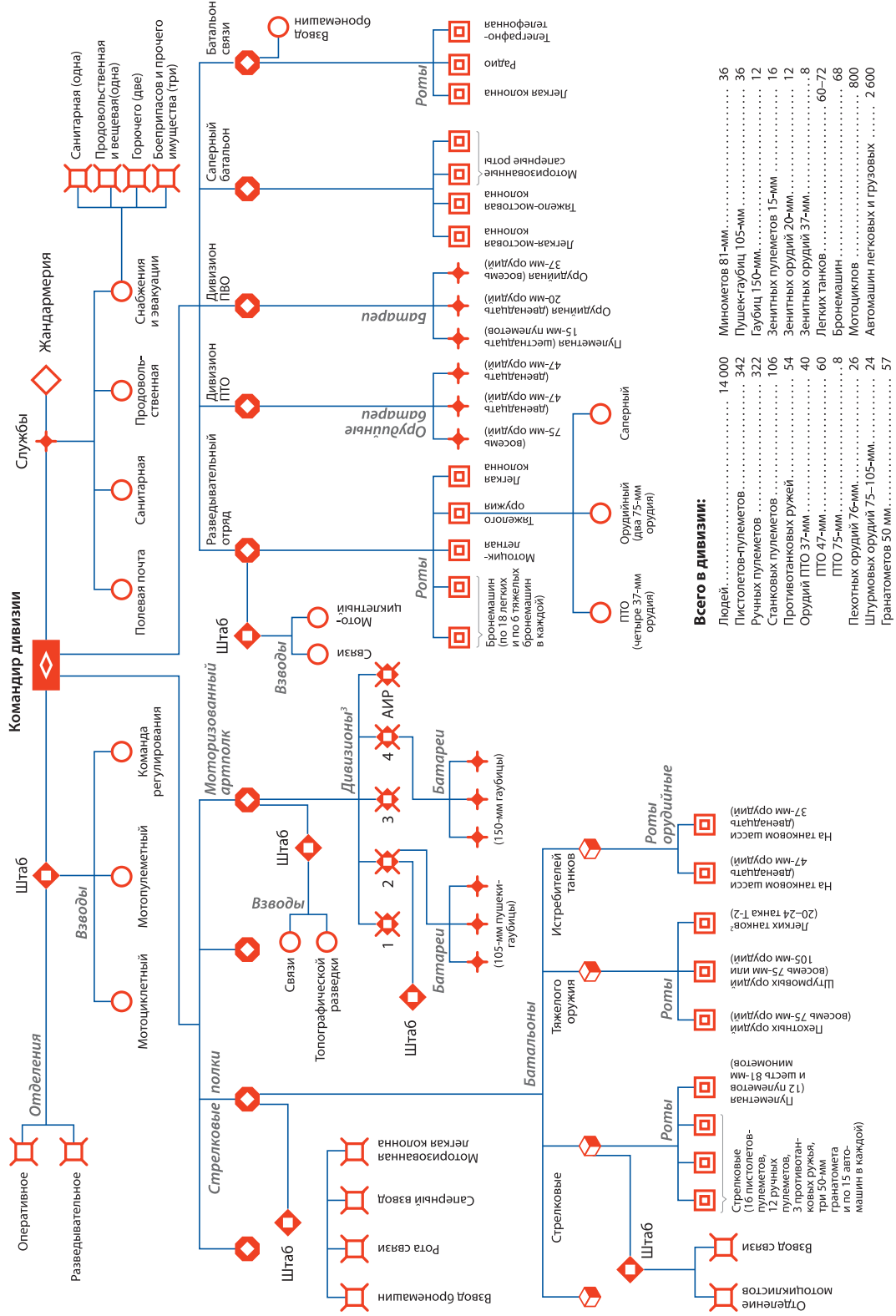
Приказом от 15/16 августа 1941 г. в связи с преобразованием 3-го управления НКО СССР в Управление особых отделов НКВД СССР военная цензура из Управления особых отделов была передана во 2-й спецотдел НКВД СССР «для установления единого централизованного руководства цензурой». В составе спецотдела было образовано отделение военной цензуры военной корреспонденции. Приказ установил и порядок просмотра корреспонденции гражданского населения, войсковых частей действующей армии и частей, дислоцированных в республиках, краях и областях. Оперативное руководство отделениями в действующей армии осуществляли начальники особых отделов фронтов и армий. Особое внимание было обращено на своевременную доставку писем на фронт и с фронта в тыл, что имело важное значение в условиях тяжелых оборонительных боев летом и осенью 1941 г.

Материалы военной цензуры часто служили основой для подготовки важных аналитических документов, характеризующих положение в тылу страны и на фронте. Органы безопасности неоднократно обращали внимание политического и военного руководства на неблагоприятное положение в ряде районов страны, оказывавшего негативное влияние на боеспособность воинов Красной армии и флота. Так, в начале 1942 г. В. С. Абакумов в записке в ЦК ВКП(б) и НКО СССР на имя А. А. Андреева и Л. З. Мехлиса сообщал: «При проверке писем, идущих в Действующую армию, военной цензурой в конце декабря 1941 г. и начале января 1942 г. продолжают отмечать значительное количество жалоб семей военнослужащих на плохие материально-бытовые условия и отсутствие внимания к их нуждам со стороны местных гражданских и военных органов. Такие жалобы отмечаются по Ярославской, Московской, Ивановской, Калининской, Молотовской, Горьковской, Кировской, Свердловской, Омской, Челябинской и Чкаловской областям»⁵⁸.

Тем не менее главным направлением в контрразведывательной работе на протяжении первого периода войны оставался розыск вражеской агентуры. Особую актуальность и остроту проблема борьбы с вражескими агентами и диверсантами приобрела летом 1942 г. в условиях, когда советские войска вели ожесточенные оборонительные бои под Сталинградом и на Северном Кавказе. Согласно сообщению особого отдела НКВД Сталинградского фронта, только за август 1942 г. на фронте были арестованы 110 немецких агентов, в том числе на линии фронта — 97 человек. 11 арестованных агентов прошли обучение в Варшавской, Полтавской и Яблоньской (в районе г. Люблин, Польша) разведывательных школах абвера. В ходе следствия было установлено, что немецкая разведка в течение месяца направляла свою агентуру в тыл Красной армии главным образом с заданиями по совершению диверсий, сбору разведывательных данных на линии фронта и в прифронтовой полосе, а также склонению советских солдат к переходу на сторону немецких войск⁵⁹.

В период боев на Северном Кавказе органы военной контрразведки столкнулись с деятельностью специального разведывательно-диверсионного полка «Бранденбург-800». В начале битвы за Кавказ диверсантам этого полка удалось провести несколько успешных операций в тылу советских войск.

В августе — сентябре 1942 г., когда немецкие войска вышли к Волге, особое значение приобрела железнодорожная линия Урбах — Баскунчак — Паромная, по которой шло снабжение Сталинградского фронта. С учетом этого немецкая разведка произвела заброску нескольких агентов-диверсантов, которые должны были путем совершения взрывов парализовать рабо-

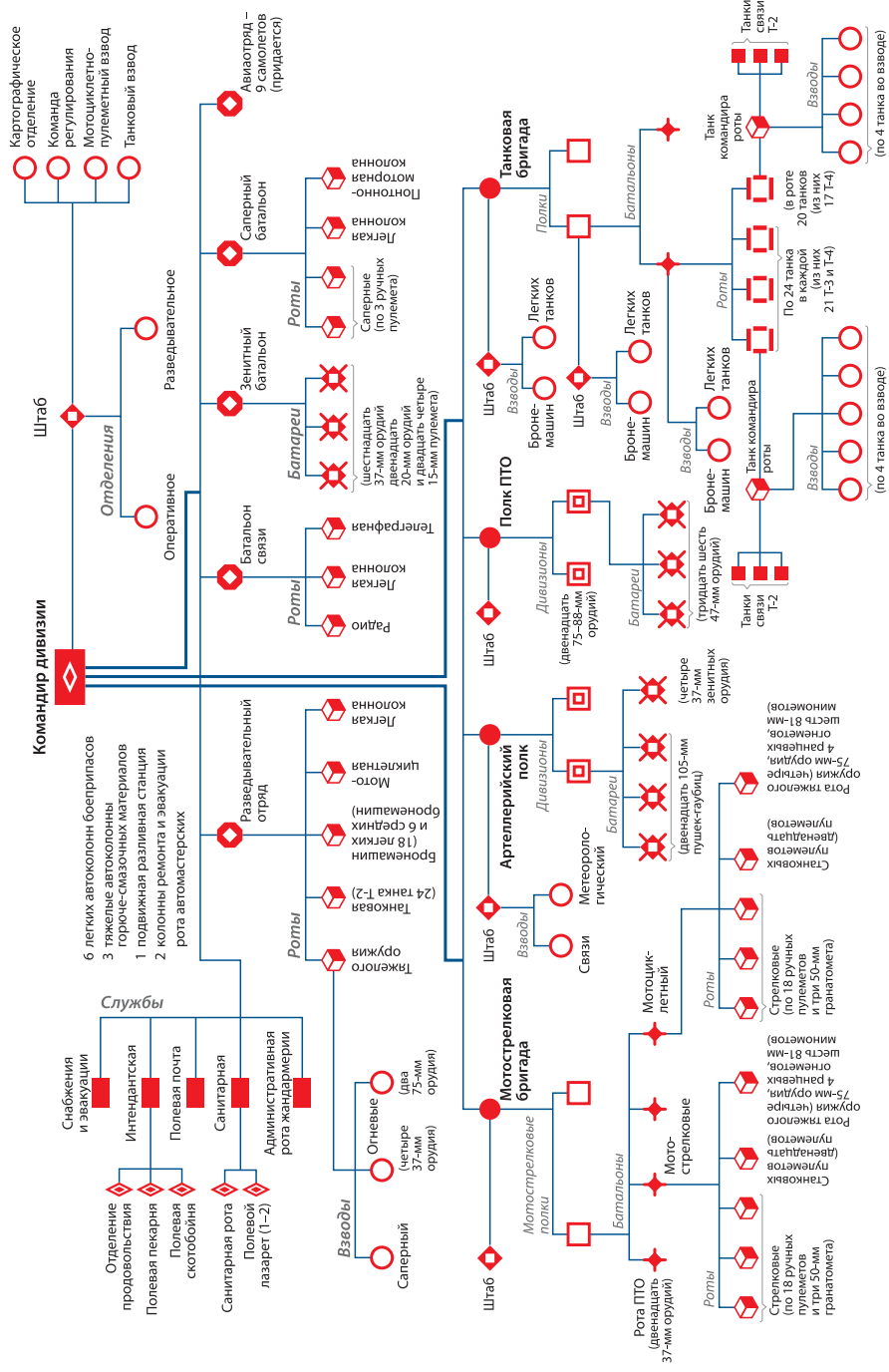


¹ В некоторых дивизиях в составе РО вместо двух бронерот имеется бронерота и танковая рота

² Наличие роты танков требует проверки

³ 1 и 3 дивизионы 105-мм пушек-гаубиц

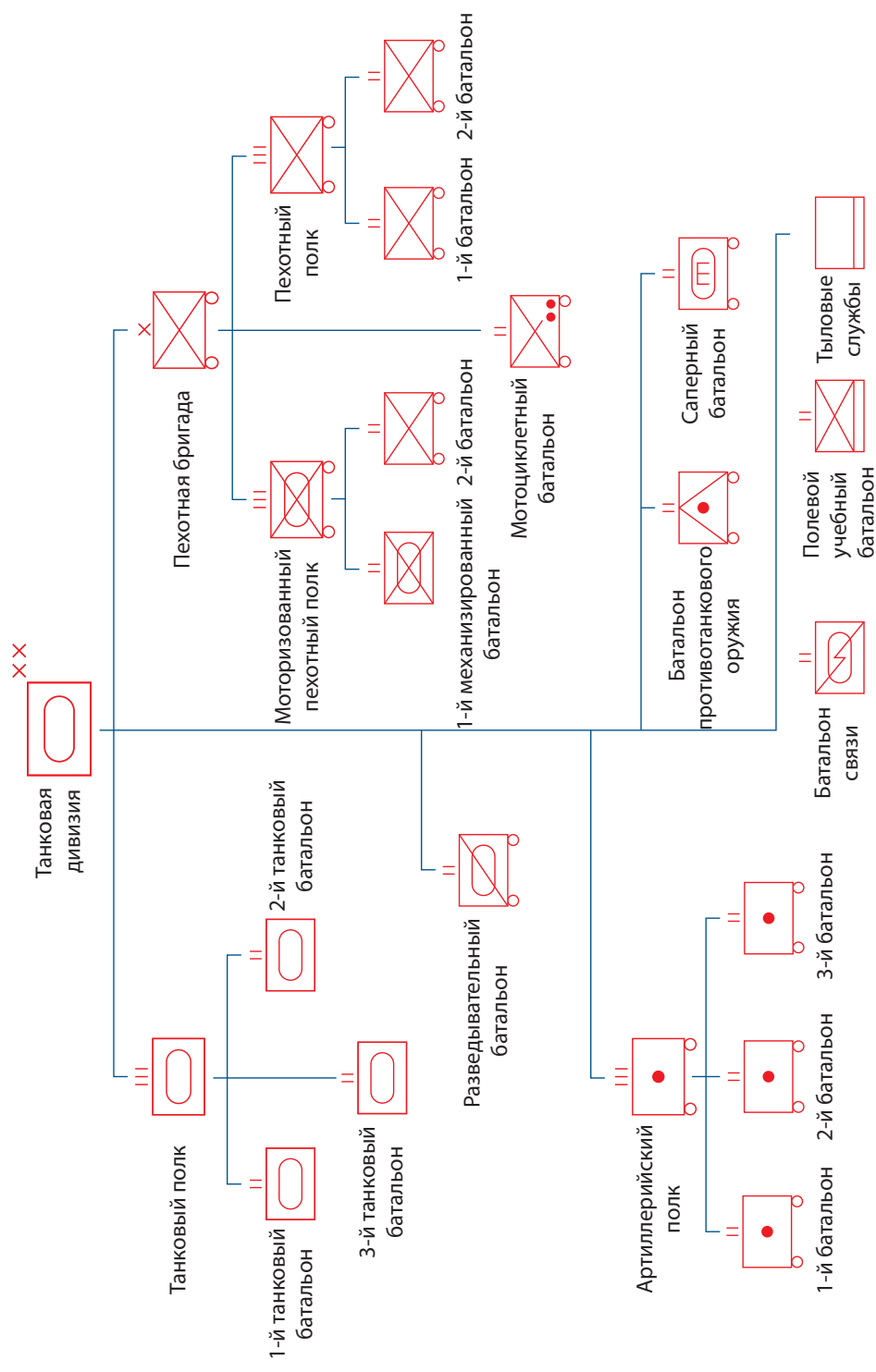
Примечание. Имеются дивизии, стрелковые полки которых состоят из трех стрелковых батальонов и вместо батальона ПТО – в каждом батальоне тяжелого оружия одна рота ПТО.



Численный состав и вооружение:

Люддей	12 000	Минюметов 81-мм	36	Зенитных орудий 20-мм	12	Танков	450
Пистолетов-пулеметов	298	Огнеметов ранцевых	24	Зенитных орудий 37-мм	24	из них Т-4	195
Ручных пулеметов	324	Орудий ПТО 37-мм	28	Зенитных пулеметов 15-мм	24	Т-3	143
Станковых пулеметов	74	Орудий ПТО 47-мм	36	Пехотных орудий 75-мм	26	Т-2	112
Гранатометов 50 мм	57	Орудий ПТО 75-88-мм	12	Пушек-гаубиц 105-мм	24	Бронемашин	63
						Мотоциклов	1136
						Автомашин легковых и грузовых	2 440

Организация танковой дивизии (основной тип) германской армии в 1941 г.



Организация танковой дивизии германской армии на 22 июня 1941 г.



Допрос немецкого военнопленного



Разбор захваченных немецких документов

ту железной дороги, однако органами военной контрразведки эти попытки были сорваны. 23 августа 1942 г. силами военной контрразведки на левом берегу Волги были задержаны два агента немецкой разведки, которые имели при себе 9,8 кг тола, шесть коробок с запалами и взрывателями, сигнальный фонарь и топографические карты.

В свою очередь, в течение августа особые отделы фронта отправили в тыл противника преимущественно с заданием внедрения в разведывательные органы 30 агентов. Кроме того, при отходе советских частей на новые рубежи были оставлены в неприятельском тылу 46 резидентов, агентов и связников, перед которыми поставлены задачи проникновения в аппарат вражеских разведорганов и сбора контрразведывательных данных. За этот же период из тыла противника возвратились три источника особых отделов, которые доставили ценные сведения в интересах военного командования⁶⁰.

С выходом гитлеровских частей к Волге разведывательные органы противника усилили заброску своей агентуры на территорию Саратовской, Сталинградской, Пензенской областей. Так, в середине августа 1942 г. при налете вражеской авиации на боевые порядки 99-й стрелковой дивизии сотрудники особого отдела НКВД дивизии обратили внимание на то, что с земли было выпущено несколько осветительных ракет. В процессе розыска предположительно заброшенных вражеских агентов было установлено, что в находившейся недалеко деревне Торостянка появились двое подозрительных военнослужащих. Они поселились на частной квартире и выдавали себя за военнослужащих одного из полков 99-й стрелковой дивизии. Проверка показала, что такие лица в полку не значатся. Сотрудники особого отдела сумели задержать вражеских агентов с поличным во время очередного сеанса радиосвязи. При обыске у них были изъяты портативная радиостанция, шифры, ракетница, записи о частях 99-й стрелковой дивизии. Все оперативно-разыскные мероприятия были проведены в течение пяти дней⁶¹.

Противник в это период пытался забрасывать свою агентуру и под видом раненых. Для ее выявления контрразведчики привлекали медицинских работников. Так, например, санинструктор одной из частей заметила, что двое приставших в пути раненых отказываются от перевязки ран, ссылаясь на то, что не хотят повредить гипс. Когда же санинструктор проявил настойчивость и гипс был снят, выяснилось, что рука абсолютно здорова; то же оказалось и у напарника. Уличенные в симуляции ранения шпионы пытались выдать себя за дезертиров, но при обыске в их вещевых мешках обнаружили малогабаритную радиостанцию, шифры и расписания связи, шпионские записи, предназначенные для передачи в разведцентр. На допросах агенты Васин и Симоненко, как они назвали себя, показали, что были заброшены в советский тыл на самолете после окончания Минской шпионской школы. Сведения передавали в разведцентр по радиостанции.

Борьба с агентурой противника активно велась органами военной контрразведки и на других фронтах. К примеру, 13 июля 1942 г. особым отделом НКВД Северо-Западного фронта были арестованы прошедшие обучение в Смоленской разведшколе агенты-диверсанты немецкой разведки, бывшие красноармейцы С. Ф. Юшин и Е. Н. Марков, сброшенные с немецкого самолета на парашютах в районе станции Куженкино. Агенты имели при себе 6 кг тола, детонаторы, бикфордов шнур, два револьвера системы «наган», поддельные документы и некоторые другие предметы шпионской экипировки. Согласно заданию немецкой разведки диверсанты должны были взорвать железнодорожный мост на участке Куженкино — Шлино. При допросе задержанные назвали других агентов, обучавшихся с ними в Смоленской разведшколе и переброшенных немцами в советский тыл.

Одним из серьезных противников советской контрразведки наряду с аввером являлись финские спецслужбы, которые вели разведку в тылу частей и соединений Красной армии с помощью отдельных агентов, а также хорошо подготовленных и экипированных агентурно-боевых групп. Как правило, они проникали в тыл на глубину до 100–150 км, имея при себе портативные радиостанции для связи с центром. Задачами групп были сбор разведывательной информации о дислокации, передвижениях советских войск, совершение диверсионных актов, захват языков и т. п.

Для подготовки агентуры (преимущественно из числа советских военнопленных) были созданы несколько разведывательных школ, срок обучения в которых составлял от трех до девяти месяцев. Особыми отделами Ленинградского и Карельского фронтов, Архангельского военного округа на протяжении 1942 г. был арестован ряд агентов из числа советских военнопленных, прошедших подготовку в Петрозаводской школе финской разведки. По окончании этой школы агенты и диверсанты перебрасывались с радиостанциями в расположение частей Красной армии, как правило парами, для сбора разведывательных данных и совершения диверсий. Так, арестованные особым отделом НКВД 7-й отдельной армии два финских агента были переброшены в советский тыл 16 июля 1942 г. с заданием уничтожить склады с боеприпасами и продовольствием, отравлять продукты питания в воинских частях. С этой целью диверсанты были снабжены финской разведкой отравляющим веществом.

В целом на протяжении всего первого периода войны борьба с разведывательно-диверсионной деятельностью вражеских спецслужб занимала центральное место в работе органов военной контрразведки. Особые отделы НКВД в действующей армии постепенно разработали и реализовали комплекс заградительных и оперативных мер, обеспечивших достаточно эффективный розыск вражеской агентуры и диверсантов на линии фронта и в прифронтовой полосе. Изучив тактику деятельности абвера и других спецслужб, особые отделы НКВД к концу 1942 г. стали постепенно перехватывать инициативу у противника, активнее проводить острые наступательные контрразведывательные мероприятия, связанные с проверкой агентуры, внедрением своих источников в разведорганы и разведшколы немецкой и других разведок, осуществлением радиоигр.

Зафронтовая работа органов военной контрразведки

Вскоре после начала войны в деятельности органов военной контрразведки появилось новое сложное направление — зафронтовая работа. Ее задачи, стратегия и тактика, используемые силы и средства определились не сразу и претерпевали в течение войны определенные изменения.

Во исполнение решения руководства страны о развертывании сопротивления захватчикам на оккупированной территории органы военной контрразведки приступили к заброске отдельных агентов и созданию резидентур в тылу противника уже летом 1941 г. Силы и средства военной контрразведки первое время использовались преимущественно для сбора разведывательной информации о войсках неприятеля и в определенной степени дублировали деятельность органов военной разведки. Кроме того, перед ними ставились задачи по проведению диверсионной работы.

Период становления зафронтовой работы в органах военной контрразведки сопровождался определенными трудностями, в основном связанными с отсутствием у оперативного состава соответствующего опыта. При отработке легенд для забрасываемой агентуры в некоторых случаях сотрудники особых отделов НКВД прибегали к стандартным приемам. Например, в первые месяцы войны агенты органов военной контрразведки при переходе к противнику в основном выдавали себя за лиц, бежавших из мест заключения, антисоветски настроенных, имели документы прикрытия с номерами одной серии и т. п. Через некоторое время немецкая контрразведка выпустила специальную ориентировку, в которой было предписано задерживать в тылу и прифронтовой полосе всех граждан с соответствующей легендой и документами.

Созданные органами военной контрразведки за линией фронта резидентуры были зачастую громоздки: агенты, входившие в их состав, поддерживали связь между собой по цепочке, что противоречило правилам конспирации и могло привести к провалу. Вербовка граждан, проживавших на оккупированной территории, производилась агентами-вербовщиками часто без соответствующего изучения. В итоге новые источники во многих случаях не располагали

возможностями по решению оперативных задач и поэтому фактически не использовались. Способы и средства связи оставляли желать лучшего. Например, только по особому отделу НКВД Калининского фронта до 1942 г. не имелось связи с 64 агентами, находившимися в тылу противника, и судьба их была неизвестна.

Организацией зафронтальной работы в начальный период войны занимались, как правило, особые отделы армий и фронтов. Об интенсивности и содержании подобной работы летом — осенью 1941 г. можно судить по отчетным документам органов военной контрразведки. Так, согласно спецсообщению особого отдела НКВД Западного фронта от 27 сентября 1941 г. в НКВД СССР о результатах диверсионно-разведывательной деятельности в тылу противника, отделением КРО особого отдела фронта только за период с 14 по 21 сентября было переброшено в тыл врага с разведывательными и диверсионными заданиями 15 групп общей численностью 51 человек. Группы насчитывали 3–5 человек, подобранных главным образом из числа жителей прифронтальной полосы. Перед заброской с большинством групп помимо тщательного инструктажа по вопросам выполнения заданий были проведены занятия по изучению оружия немецкого образца, гранатометанию и способам применения взрывчатых веществ. Участники групп вооружались гранатами, аммоналом, пистолетами, бутылками с зажигательной жидкостью КС.

Группы имели задания вести разведку в интересах военного командования, совершать диверсионные акты путем уничтожения средств связи противника, организации крушений воинских поездов, перехвата отдельных связистов, курьеров противника с их документами, уничтожения путем поджога баз горючего, складов с имуществом и боеприпасами, скирд хлеба. Из 15 переброшенных групп к 18 сентября 1941 г. возвратились две, действовавшие на территории Смоленской области. Выполняя задание, первая из них вблизи деревни Горки уничтожила гранатами одну грузовую автомашину с боеприпасами и восемь фашистских солдат. Вторая группа на территории Кардымовского района подожгла 12 скирд необмолоченного хлеба, уничтожила два трактора и две молотилки⁶².

Аналогичная работа проводилась и особыми отделами НКВД Северо-Западного, Ленинградского и других фронтов. На Ленинградском фронте осенью 1941 г. организацией разведывательно-диверсионной работы в тылу противника, а также внедрением агентуры в разведывательные органы занималось 6-е отделение особого отдела НКВД фронта. По состоянию на 3 ноября 1941 г. отделение приобрело 112 агентов, из них: маршрутной агентуры — 24, резидентов для особых отделов армий — 4, агентуры «Д» (диверсионной) — 55, агентуры из числа военнопленных — 29 человек. В начале своей деятельности отделение в основном занималось переброской в тыл противника разведывательно-диверсионных групп. Завербованные для этой цели люди проходили краткосрочную специальную подготовку в диверсионной школе («Д») и затем, получив вооружение и радиоаппаратуру, перебрасывались в тыл врага.

Всего было переброшено семь таких групп. Из них на середину сентября 1941 г. продолжали работу в тылу противника четыре группы. Из-за плохого качества радиоаппаратуры, работающей только на прием, отделение не всегда располагало полными сведениями о деятельности заброшенных групп. По данным отдельных участников этих групп, возвратившихся из тыла противника, диверсионные группы провели в августе и сентябре 1941 г. следующую работу: группа Могдика уничтожила большой деревянный мост на шоссе Серебрянка — Плюсса, заминировала железнодорожную линию в районе станции Плюсса, собрала определенный объем разведанных о неприятеле; группы Чечина и Синицына, продолжавшие работать в тылу противника, произвели подрыв железнодорожного полотна в районе станции Плюсса, вывели из строя приспособление, обнаруживающее мины на железнодорожном полотне, и крытую мотодрезину, уничтожив при этом до 18 немецких солдат и офицеров. Однако не все заброшенные группы действовали так успешно. Часть из них не смогла выполнить задания.

Примерно в начале сентября 1941 г. отделение закрыло школу «Д» и полностью переключилось на внедрение своей агентуры в разведорганы противника, вербовку агентуры на вражеской территории и войсковую разведку.

Маршрутной агентурой особого отдела, направлявшейся через линию фронта в тыл противника, был выявлен ряд штабов, аэродромов и других военных объектов. Сведения, получаемые от агентуры, после перепроверки своевременно направлялись командованию. На основании данных, полученных из особого отдела, ВВС фронта уничтожили на Липковском аэродроме 14 и повредили 25–30 самолетов, на станцию Поповка был произведен огневой налет артиллерии и авиации. Несколько раз агентура направлялась за линию фронта для сбора сведений по специальным заданиям командующего Ленинградским фронтом генерала армии Г. К. Жукова и командующего ВВС фронта.

Большое место в деятельности отделения занимала работа с военнопленными. Группа оперативных работников в составе трех человек по состоянию на 3 ноября 1941 г. допросила 169 немцев и 133 финна. В ходе допросов военнопленных был получен ряд ценных разведматериалов, переданных затем командованию. Из числа военнопленных были выведены за линию фронта с разведывательными заданиями и заданиями по разложению армии противника два человека, подготовлены для этой цели еще четыре человека. Кроме того, эта группа оказывала практическую помощь Управлению политпропаганды фронта в работе среди военнопленных⁶³.

Зафронтная работа велась и подразделениями военной контрразведки флотов. Так, в октябре 1941 г. в 3-м отделе Черноморского флота в составе КРО была создана специальная оперативная группа по организации агентурно-оперативной работы в тылу противника.

В период битвы под Москвой Управление особых отделов НКВД СССР участвовало совместно с Управлением НКВД по г. Москве и Московской области в формировании диверсионно-разведывательных групп для борьбы с фашистами в их тылу. Было подготовлено 377 таких групп общей численностью 7947 человек⁶⁴. Всего в оккупированные районы только Московской области для выполнения специальных заданий особой группой НКВД СССР и особыми отделами для партизанских действий были подготовлены 5429 чекистов и бойцов⁶⁵.

Помимо органов военной контрразведки организацией зафронтной работы, разработкой разведывательных органов противника в начальный период войны занимались и территориальные органы безопасности, размещенные в прифронтной полосе и в глубине страны. Однако органы военной контрразведки и территориальные органы безопасности часто действовали недостаточно согласованно. На практике было немало случаев, когда территориальные органы задерживали агентов немецких разведывательных органов, склоненных к явке с повинной агентами органов военной контрразведки, несвоевременно передавали в особые отделы задержанных вражеских агентов-парашютистов, забрасывавшихся в тыл советских войск в ходе радиоигр, которые проводили военные контрразведчики.

При организации территориальными органами безопасности оперативных игр с разведками противника у них возникали большие трудности в получении соответствующих дезинформационных материалов, в связи с чем эти игры иногда не получали развития. В отдельных случаях передававшаяся в ходе оперативных игр дезинформация не согласовывалась с командованием фронтов.

Не всегда должным образом были отработаны вопросы взаимодействия и военной контрразведки соседних фронтов, несмотря на то что в ряде случаев они вели борьбу с одними и теми же разведывательными органами противника. К примеру, подразделения фашистской разведки «Абверштелле Остланд», дислоцировавшиеся в Таллине, вели в 1942 г. разведывательно-подрывную работу против войск Ленинградского, Северо-Западного, Волховского фронтов, а также Северного и Балтийского флотов. Соответственно, «Абверштелле Остланд» и его филиалы были объектами зафронтной работы всех органов военной контрразведки названных фронтов и флотов. Действовали же они нередко вразнобой, так как центральный аппарат военной контрразведки, отвечавший за координацию, был перегружен и не мог своевременно оказывать помощь в организации согласованной зафронтной работы. Это приводило к тому, что в некоторых случаях при выходе в советский тыл агентов, внедренных в подразделения «Абверштелле Остланд», их перехватывал тот орган военной контрразведки, на территории действий которого они переходили линию фронта. Орган военной

контрразведки, внедрявший агентов к противнику, ставился в известность об этом факте с запозданием. В планах мероприятий подразделений военной контрразведки не всегда учитывались замыслы военного командования по ведению боевых операций и, соответственно, перспективы развития зафронтной контрразведывательной работы.

Однако, несмотря на имеющиеся трудности, зафронтная работа органов военной контрразведки и территориальных органов безопасности постепенно становилась более эффективной. Руководство органов безопасности внимательно изучало положительный и отрицательный опыт ее ведения и вносило необходимые коррективы.

25 апреля 1942 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия обратился в ГКО с предложением об использовании в радиоиграх захваченных радиостанций противника. Он отмечал, что только в марте — апреле 1942 г. органами внутренних дел задержаны 76 агентов немецкой военной разведки, переброшенных на самолетах в составе разведывательно-диверсионных групп и в одиночку для шпионской и диверсионной работы в городах Вологде, Ярославле, Иванове, Александрове (Ивановская область), Пензе, Молотове, Тамбове, Куйбышеве, Сталинграде, Казани, Горьком и в войсковых тылах Западного фронта. У задержанных была изъята 21 портативная радиостанция. Все немецкие агенты являлись бывшими военнослужащими Красной армии, находившимися в плену у немцев, где они были завербованы и обучены в разведывательных школах.

«В целях ограничения активности германских разведывательных органов... создания видимости работы» переброшенных агентов советская контрразведка установила связь с противником по 12 радиостанциям. НКВД СССР полагало, что захваченные немецкие радиостанции можно использовать в интересах главного командования Красной армии для дезинформации врага в отношении дислокации и перегруппировок частей и соединений. В случае получения согласия предлагалось выработать порядок подготовки материалов по дезинформации и передачи их в НКВД СССР для реализации через захваченные немецкие радиостанции⁶⁶. Поступившее предложение было одобрено НКВД СССР.

К середине 1942 г. органы военной контрразведки стали активно практиковать перевербовку агентов спецслужб воевавших с СССР стран, что позволило завязать с неприятелем как оперативные, так и радиоигры. В ходе таких игр военные контрразведчики выявляли основные устремления противника, конкретные разведывательные органы и школы, тактику их работы, применявшиеся ухищрения, а также вражескую агентуру, заброшенную в прифронтную полосу и глубокий советский тыл. В течение этого года особыми отделами НКВД был заброшен в тыл противника и ряд агентов из числа советских патриотов. При этом перед ними ставились задачи как разведывательного, так и контрразведывательного характера.

Так, уже в феврале 1942 г. особый отдел НКВД Юго-Западного фронта успешно внедрил в органы полиции оккупированного Киева своего зафронтного агента Мосейчука (В. П. Даниленко). Он работал в полиции до ноября 1943 г., вплоть до освобождения города советскими войсками. Контрразведчикам 3-го Украинского фронта он предоставил сведения на более чем 200 сотрудников полиции, СД, их агентуру, а также карателей из числа казаков.

Серьезные результаты принесла заброска особым отделом НКВД 20-й армии Западного фронта в немецкий тыл агента Михайлова (А. С. Соболева) в июне 1942 г. После перехода линии фронта он был помещен немцами в лагерь военнопленных, а затем зачислен в подразделение РОА. Через некоторое время на Михайлова обратили внимание абверовцы и завербовали его. Находясь в Смоленской диверсионной школе, Соболев склонил для работы в пользу советской контрразведки 12 курсантов, убедив их после переброски через линию фронта явиться с повинной в органы безопасности. Через одного из курсантов он передал в особый отдел отчет о проделанной работе. В конце января 1943 г. Соболев связался с партизанами и был переправлен в особый отдел НКВД Калининского фронта, где сообщил ценные сведения о Смоленской диверсионной школе, ее официальных сотрудниках и курсантах. Привлеченный Соболевым к сотрудничеству агент абвера бывший майор Красной армии П. С. Голокоз продолжал работу в Смоленской диверсионной школе в интересах советской

контрразведки. В июле 1943 г. он привел в расположение партизанской бригады Захарова, действовавшей на территории Белоруссии, немецкий карательный отряд численностью 84 человека, который был окружен и уничтожен партизанами. После этого Голокоз был переправлен через линию фронта. О проделанной Соболевым и Голокозом работе докладывалось лично И. В. Сталину. Оба агента были награждены орденами Красного Знамени⁶⁷.

Определенный объем работы был выполнен органами военной контрразведки и при оказании помощи в развертывании в тылу противника партизанского движения. В ряде особых отделов НКВД для решения данной задачи создавались специальные оперативные группы, которые осуществляли связь с партизанскими отрядами, действующими на территории врага, оказывали помощь в переброске партизан и разведывательно-диверсионных групп через линию фронта, получали через партизан данные разведывательного характера, выявляли предателей и провокаторов из числа остававшегося на оккупированной территории населения и т. п.⁶⁸

Органы военной контрразведки вели также оперативную работу в штабах партизанского движения при военных советах фронтов, занимались фильтрацией вышедших из тыла противника партизан, в случаях оперативной необходимости по согласованию с военными советами использовали возможности партизанских баз для развертывания контрразведывательной работы в тылу противника в интересах органов военной контрразведки.

К концу начального периода войны особые отделы НКВД смогли развернуть полноценную работу за линией фронта, используя в этих целях как перевербованную агентуру противника, так и источников, приобретаемых из числа советских патриотов. Создание агентурных позиций в тылу противника позволило органам контрразведки более эффективно решать задачу по розыску вражеской агентуры, выявлению планов и замыслов, тактике работы абвера и других неприятельских спецслужб.

Борьба с изменой Родине, дезертирством, распространением слухов и паники

Сложившееся в первые месяцы войны тяжелое положение на фронте, превосходство противника в авиации, танках и артиллерии, а также искусстве ведения боевых действий негативно сказывались на морально-психологическом состоянии советских войск, их устойчивости. Большинство соединений и частей Красной армии вели упорные бои с наступающим противником, однако имели место и факты массового бегства бойцов и командиров с поля боя.

Уже в первые дни войны в центральный аппарат военной контрразведки стала поступать тревожная информация о неудачных действиях советских войск, многочисленных случаях паники и неорганизованности. Например, согласно информации третьих подразделений с началом военных действий во многих частях 4-й армии началась паника. Застигнутые врасплох внезапным нападением командиры растерялись, военнотружущие обращались в бегство, вместо организации эвакуации многие командиры и политработники в панике бежали из Бреста, в первую очередь спасая свои семьи. Обком и горком ВКП(б) вместе с областными управлениями НКВД и НКГБ пытались навести порядок в городе, но сделать ничего не смогли. Многие воинские части отступали, а в крепости гарнизон продолжал борьбу⁶⁹.

В начале июля 1941 г. в районе Кировограда в беспорядке отступила с занимаемых позиций 223-я дивизия, которая фактически оказалась не готова к боевым действиям: командование не знало местности и обстановки, не было карт, отсутствовала связь с соседями, снарядов имелось только 25 боекомплектов и т. п.⁷⁰



Разведчик-диверсант



Результат диверсии

Способствовали дезорганизации прифронтового тыла и панические настроения ряда руководителей местных партийных и советских организаций. Так, по информации органов военной контрразведки, в ночь с 22 на 23 июня 1941 г. бежало все партийное и советское руководство Белостокской области, оставив город без управления. Этим воспользовались враждебные элементы, они освободили из тюрем более 3 тыс. арестованных, которые начали грабежи, погромы, открыли стрельбу по проходившим подразделениям Красной армии. Несмотря на то что линия фронта находилась на значительном удалении, руководство городов Львова, Ровно, Бердичева и Шепетовки также бежало в тыл, а потом вынуждено было возвратиться обратно. Их действия служили поводом к бегству районных и сельских руководителей⁷¹.

Неразберихе способствовало в определенной степени и нахождение сотен тысяч человек на оборонительных работах. Во исполнение постановления ГКО от 26 августа 1941 г. были мобилизованы на оборонительные работы: из Харькова — 170 тыс., из Сум — 100 тыс., из Сталино — 35 тыс., из Ворошиловграда — 35 тыс. человек⁷². Под Ленинградом на строительстве оборонительных сооружений ежедневно работали до 500 тыс. человек⁷³.

Распространению паники в частях и соединениях отчасти способствовала и работа завербованных немецкой разведкой агентов из числа военнопленных Красной армии, которым в ряде случаев давались задания склонять личный состав подразделений к измене Родине и переходу на сторону врага, рассказывать о превосходстве немецкого оружия, хорошем обращении с военнопленными т. п.⁷⁴

Неустойчивость воинских частей, несанкционированное отступление с занимаемых позиций, случаи паники среди личного состава вызвали появление уже 27 июня 1941 г. директивы 3-го управления НКО СССР о борьбе с дезертирством. Необходимо, однако, отметить, что в начальный период войны командование и особые отделы НКВД зачастую расширительно толковали понятие дезертирства. Потерпев поражение в бою, части и соединения Красной армии во многих случаях отступали неорганизованно. Оставшись без командиров, не ориентируясь в обстановке, рядовые бойцы поодиночке и группами без приказа отходили в тыл, укрывались в лесных массивах либо у местного населения. При определенных обстоятельствах подобные действия также могли расцениваться как дезертирство.

Но существовали и другие не менее существенные причины и факторы. Специальная комиссия Управления особых отделов НКВД СССР, анализируя причины предательства, установила, что многие изменники Родины перешли на сторону врага из боевого охранения как в одиночку, так и группами и в основном были земляками. Дезертировали преимущественно те, чьи семьи проживали недалеко от линии фронта. Значительную часть военнослужащих составляли лица, семьи которых остались на территории, занятой противником.

Сложившаяся обстановка заставила военное командование и органы военной контрразведки уже в первые недели войны создать в собственном тылу заградительную службу. Она организовывалась в основном силами войск НКВД по охране тыла, а также подразделениями, выделенными в распоряжение особых отделов НКВД. Основными задачами заградительных отрядов было задержание дезертиров, а также небольших групп военнослужащих и подразделений, которые разрозненно, без приказа командования отходили в тыл. Кроме того, осуществлялось выявление в потоке отступавших вражеской агентуры, террористов и диверсантов.

Важность организации эффективной заградительной службы с целью повышения устойчивости войск понимало и высшее военное руководство. К примеру, 26 июля 1941 г. генерал армии Г. К. Жуков направил главнокомандующим войсками направлений и фронтов телеграмму следующего содержания: «Через линию заградительных отрядов просачивается в глубокий тыл очень большое количество командиров и красноармейцев. Проникая в глубокий тыл, они своим появлением и преувеличенными сообщениями дезорганизуют население и распространяют панику. Расследованием установлено:

1. Заградслужба в тылах армий и фронтов организована очень низко, и стоит она только на дорогах.

2. При задержании вместо немедленного направления во фронтовые части задержанных направляют глубже в тыл.

Ставка приказала немедленно лично разобраться, как организована заградслужба, и дать начальникам охраны тыла исчерпывающие указания. Всех задержанных вливать во фронтовые части и в тыл не направлять»⁷⁵.

Необходимо отметить, что наличие дезертиров не только подрывало боеспособность частей и соединений действующей армии, но и дестабилизировало обстановку в прифронтовой полосе. Во многих случаях вооруженные дезертиры создавали в тылу войск банды, занимавшиеся мародерством и грабежом гражданского населения. Для ликвидации подобных банд военной контрразведке совместно с территориальными органами НКВД приходилось проводить соответствующие мероприятия.

Помимо дезертирства на протяжении всей войны органам военной контрразведки приходилось иметь дело с фактами перехода военнослужащих на сторону врага — изменой Родине. Добровольный переход на сторону противника солдат и офицеров Красной армии был опасен прежде всего с точки зрения сохранения военных и иных секретов. Всех сдавшихся в плен советских военнослужащих в обязательном порядке опрашивали офицеры разведывательных отделов штабов противника. В результате вражескому командованию становились известны дислокация, вооружение, состояние и численность личного состава противостоящих частей и соединений Красной армии, а также планы советского командования.

Актуальность борьбы особых отделов НКВД с дезертирством и изменой Родине на протяжении 1941 г. на фоне ухудшения обстановки на фронте только возрастала. Противник, особенно в первые два года Великой Отечественной войны, активно проводил агитационные мероприятия, направленные на то, чтобы побудить военнослужащих Красной армии к сдаче в плен. На передней линии фронта работали специальные радиостанции, которые периодически передавали обращения немецкого командования и сдавшихся в плен советских военнослужащих к солдатам и офицерам Красной армии, с немецких самолетов разбрасывались листовки, в том числе листовки-пропуска, в которых говорилось о бесцельности сопротивления, гуманном обращении с советскими военнопленными и т. п.

16 августа 1941 г. Ставкой ВГК был издан приказ № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В нем подчеркивалось, что большинство частей Красной армии ведет себя безупречно, мужественно, а порой и героически, однако наряду с этим имели место позорные факты сдачи в плен. Отмечалось, что следует считать злостными дезертирами командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и бегущих в тыл. Всем вышестоящим командирам и комиссарам вменялось в обязанность расстреливать на месте подобных дезертиров из начальствующего состава и, «если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаваться ему в плен — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». Командиры и комиссары дивизий наделялись правами смещения командиров батальонов и полков, снижения их в должности до рядовых, а при необходимости и расстрела на месте. В приказе обращалось внимание на особую ответственность за поддержание порядка не только командного состава и политработников, но и сотрудников особых отделов, которые, находясь в окружении, «проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим... сдать в плен врагу»⁷⁶.

12 сентября 1941 г. военным советам фронтов была направлена директива № 001919, написанная начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым под диктовку И. В. Сталина. В ней в частности указывалось, что для предупреждения нежелательных явлений необходимо иметь в каждой стрелковой дивизии «заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона (в расчете по 1 роте на стрелковый полк), подчиненный командиру дивизии и имеющий в своем распоряжении кроме обычного вооружения средства передвижения в виде грузовиков и несколько танков или бронемашин». Задачами заградотряда являлись: оказание прямой помощи комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины

в дивизии; пресечение бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия; ликвидация инициаторов паники и бегства; поддержка «честных и боевых элементов» дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством. Ставка обязала работников особых отделов и политсостав дивизии оказывать всестороннюю помощь командирам дивизий и заградительным отрядам в деле укрепления порядка и дисциплины. Создание заградительных отрядов предписывалось закончить в пятидневный срок со дня получения приказа⁷⁷.

Особым видом воинского преступления в период войны стало так называемое членовредительство, то есть причинение в том или ином виде вреда собственному здоровью с целью уклониться от участия в боевых действиях (повреждение того или иного органа, симуляция болезни и т. п.). Отдельные военнослужащие, к примеру, простреливали себе мягкие ткани руки или ноги, чтобы попасть в госпиталь. Другие пытались уклониться от службы путем подделки документов и т. п. Выявление подобных фактов причинения себе вреда военнослужащими осуществлялось с помощью привлечения медицинских работников и иных специалистов.

Измена Родине, дезертирство, членовредительство, пораженческие настроения, антисоветские высказывания и аморальные поступки, по мнению контрразведчиков, чаще имели место в тех частях, где была слабо поставлена воспитательная и политическая работа, а командиры и политработники скрывали факты нарушений военнослужащими дисциплины⁷⁸.

Борьба сотрудников особых отделов с попытками перехода на сторону противника и дезертирством велась по таким основным направлениям, как информирование командования о состоянии дисциплины в частях; профилактическая работа по недопущению случаев измены и дезертирства; проведение оперативных мероприятий по выявлению военнослужащих, намеревающихся покинуть свою часть, и наблюдение за ними; организация заградительных мероприятий с целью недопущения случаев самовольного ухода военнослужащих в тыл.

Выявление лиц, вынашивавших планы перехода на сторону врага, большей частью осуществлялось с помощью агентуры. Особые отделы брали лиц с изменническими и дезертирскими настроениями в активную разработку. Признаками, свидетельствовавшими о подготовке такого рода преступлений, могли служить: повышенный интерес к вражеским листовкам-пропускам, сбор и хранение таких листовок; заучивание на языке противника отдельных фраз и слов, необходимых для объяснения причин своего перехода через линию фронта; стремление собрать секретные сведения в целях их передачи противнику после перехода; выяснение отношения противника к перебежчикам и военнопленным и т. д. Лиц, подозреваемых в стремлении перейти на сторону врага, особые отделы НКВД, как правило, при посредстве командования переводили в тыловые части, где продолжали их проверку. В тех случаях, когда данные подтверждались, военнослужащие арестовывались.

30 августа 1941 г. было издано указание наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии о взятии под наблюдение «лиц, интересовавшихся фашистскими листовками», и немедленном аресте тех, у кого окажутся спрятанными листовки, служившие пропуском для перехода к врагу. Выдвигалось также требование тщательно расследовать каждый случай измены, выявляя сообщников и укрывателей, устанавливать виновность оперативного состава в ослаблении профилактической работы⁷⁹.

В качестве профилактики таких опасных преступлений, как переход на сторону врага, дезертирство, членовредительство стали активно использоваться и гласные меры. В частности, практиковалось доведение до сведения военнослужащих приговоров военного трибунала об осуждении виновных в совершении преступлений, что на практике являлось сильным сдерживающим фактором. Своего рода профилактикой были и такие суровые меры в условиях войны, как расстрел, особенно производимый перед строем.

В первые месяцы войны, по мнению руководства Управления особых отделов НКВД СССР, достаточно эффективной работы по пресечению дезертирства на местах не велось. Борьба с дезертирами и членовредителями в основном была сконцентрирована в особых отделах НКВД фронтов и армий. Они же в большинстве случаев применяли и такую крайнюю

меру, как расстрелы. Среди руководства особых отделов НКВД в тот период еще не было единого мнения об эффективности и порядке применения к дезертирам непосредственной расправы. Некоторые начальники низовых особых отделов НКВД полагали, например, что расстрелы дезертиров могут привести к обратному результату — увеличению числа советских военнослужащих, сдающихся в плен. Другие руководители настаивали на уточнении прав особых отделов НКВД в борьбе с дезертирством. Так, начальник особого отдела НКВД Закавказского военного округа Н. М. Рухадзе в записке на имя первого заместителя начальника Управления особых отделов НКВД СССР С. Р. Мильштейна от 3 сентября 1941 г. предложил «предоставить оперативным работникам ОО право расстрела в исключительной боевой обстановке только в трех случаях: 1) при дезертирстве с поля боя; 2) при неисполнении приказа командования и 3) при перебежке на сторону противника. В остальных случаях... следует привлекать к ответственности в общеустановленном порядке. В этих случаях расстрел должен оформляться актом за подписями командира, комиссара, оперработника ОО, а при возможности и прокурора... Практика показывает, что передача дел по дезертирству органам прокуратуры затягивает рассмотрение этих дел и не создает эффекта и перелома непосредственно в части. Было бы целесообразно в период военных действий создать специальные тройки при ОО армий и дивизий, предоставив право этим тройкам разбирать дела и выносить приговоры по дезертирству с приведением их в исполнение на месте»⁸⁰.

Несмотря на имевшиеся недостатки и проблемы, борьба органов военной контрразведки, войск по охране тыла с дезертирством носила в 1941 г. исключительно масштабный характер. В справке, направленной комиссаром госбезопасности 3 ранга С. Р. Мильштейном в октябре 1941 г. (число не указано) на имя наркома внутренних дел Л. П. Берии, сообщалось, что «с начала войны по 10 октября сего года особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла были задержаны 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами особых отделов задержаны 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 военнослужащих. Из числа задержанных особыми отделами арестованы 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт. В числе арестованных: шпионов — 1505, диверсантов — 308, изменников — 2621, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самострельщиков — 1671, других — 4371». (Так в тексте. — *Авт.*)

Объективность квалификации деяний, совершенных конкретными военнослужащими в условиях постоянного отступления, всеобщей неразберихи, деморализации и потери управления соединениями и частями, в ряде случаев вызывает сомнения. Часто это был суд скорый, без должного исследования всех обстоятельств. Как следует из документа, были расстреляны 10 210 человек, из них перед строем — 3321 человек. Наибольшее число воинских преступлений было совершено на Западном фронте: арестованы 4013 человек, из них расстреляны 2136, в том числе перед строем — 556⁸¹.

Постепенно к борьбе с дезертирством подключились и территориальные органы НКВД, которые наряду с особыми отделами военных округов стали проводить профилактическую работу среди призывников. 6 декабря 1941 г. была издана специальная директива НКВД СССР «О мероприятиях по борьбе с дезертирством», согласно которой наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей предписывалось активизировать борьбу с этим явлением, организовав в населенных пунктах заслоны, дозоры и патрулирование, взяв под агентурный контроль вокзалы, пристани, железнодорожные станции, рестораны, столовые, систематически проверяя документы у сомнительных лиц. Территориальные органы НКВД обязали каждую декаду информировать НКВД СССР, крайкомы и обкомы ВКП(б) о результатах проделанной работы.

В поиске и задержании дезертиров принимали участие все службы органов внутренних дел: паспортные столы — при проведении мероприятий по поддержанию паспортного режима и учета военнообязанных; отделы службы и боевой подготовки — через организацию облав в поисках дезертиров с участием милиции, военнослужащих внутренних войск, сотрудни-

ков военных комендатур и т. д.; милиционеры наружной службы — во время повседневной деятельности. Особая роль отводилась уголовному розыску. Его сотрудникам было поручено выявление дезертиров агентурно-оперативным путем. Семьи дезертиров ставились на оперативный учет, за ними устанавливалось агентурное наблюдение.

В дни битвы под Москвой для проверки документов у лиц, направлявшихся в город по железной дороге, были установлены КПП в Рязани, Муроме, Александрове, Серпухове, Владимире, Кашире, Нахабино, Сходне, Одинцово и Апрелевке⁸². Для задержания дезертиров и других военнослужащих, бежавших с фронта, были организованы четыре заградительных пункта по шоссе Калинин — Москва: два — из состава опергруппы Управления ОО НКВД СССР, один — силами особого отдела НКВД 5-й стрелковой дивизии и еще один — от особого отдела НКВД 30-й армии⁸³.

Информация о результатах работы по пресечению дезертирства регулярно направлялась руководству страны и в центральный аппарат НКВД СССР. Так, 29 октября 1941 г. руководство сектора охраны Московской зоны сообщало И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. М. Василевскому, что за период с 15 по 28 октября были задержаны 75 568 военнослужащих, в том числе 6038 начальствующего состава. Из числа военнослужащих выявлены и переданы в особые отделы 760 дезертиров; задержано антисоветского элемента — 933 человека, из них выселены — 122, арестованы — 214, переданы местным органам НКВД — 597 человек⁸⁴. Число военнослужащих и других подозрительных лиц, задержанных подразделениями заградслужбы в московской зоне, и в последующие месяцы оставалось высоким.

Весной 1942 г. в условиях, когда враг перешел в наступление и среди части военнослужащих вновь появились сомнения в нашей победе, по линии военной контрразведки были приняты дополнительные меры по борьбе с изменой Родине в форме перехода на сторону противника. В мае 1942 г. вышла директива НКВД СССР об усилении борьбы с изменой Родине. В ней отмечалось, что такого рода преступления совершали главным образом военнослужащие, чьи семьи проживали на занятой немцами территории, лица, осужденные трибуналами за различные преступления с отправлением на фронт, либо из состава пополнения, прибывшего из исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений. В этой связи НКВД СССР потребовал взять на учет всех проходящих службу в частях и соединениях лиц данных категорий, а также принимать решительные меры в отношении военнослужащих, высказывающих намерение изменить Родине. В необходимых случаях по договоренности с командованием частей и военными трибуналами приведение приговоров в отношении осужденных «за попытку к измене Родине к ВМН организовывать перед строем с последующим доведением решения трибунала до каждого военнослужащего части»⁸⁵.

На протяжении всего драматичного 1942 г. борьба с изменой Родине, то есть намерениями или фактическими попытками перехода на сторону противника, оставалась одной из важнейших задач органов военной контрразведки на всех фронтах. 20 августа 1942 г. НКВД СССР информировал ГКО, ЦК ВКП(б) и СНК СССР, что «по сообщениям особых отделов фронтов с начала войны по 1 августа с. г. за попытку изменить Родине и изменнические намерения в частях Действующей армии арестованы 20 794 военнослужащих, в том числе вскрыто 550 изменнических групп с участием в них 2562 человек». Наибольшее количество подобных фактов было выявлено в частях Западного, Южного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов. В большинстве случаев изменнические группы создавались и возглавлялись «антисоветски настроенными лицами, ущемленными в прошлом теми или иными мероприятиями советской власти»⁸⁶.

Особые отделы НКВД по-прежнему продолжали считать одной из основных своих задач и борьбу с так называемыми антисоветчиками и антисоветскими организациями. Так, в 1941 г. органами военной контрразведки был выявлен и ликвидирован ряд антисоветских организаций различной политической направленности. Однако подобные факты с учетом чрезвычайной обстановки осени 1941 г. и особенностей работы органов безопасности в этот период требуют тщательной перепроверки. В условиях исключительно тяжелой обстановки деятельность оперативных и следственных подразделений органов военной контрразведки

нередко носила упрощенный характер, в том числе в плане сбора объективных доказательств виновности военнослужащих. Это касалось и рассмотрения уголовных дел по преступлениям, связанным с «антисоветской агитацией и пропагандой», что в итоге приводило в ряде случаев к необоснованным задержаниям и осуждению военными трибуналами. Часто арестовывались военнослужащие, вина которых состояла только в высказываниях, содержавших сомнения в победе советских войск, критику командования из-за нехватки продуктов питания и т. п. К антисоветчикам могли отнести и рассказчиков анекдотов.

В некоторых случаях органы военной контрразведки фактически фальсифицировали уголовные дела в отношении военачальников по указанию политического руководства страны. Так, 6 июля 1941 г. органами 3-го управления НКВД СССР был арестован бывший командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов. Постановлением Государственного Комитета Обороны от 16 июля 1941 г. генерал армии Д. Г. Павлов, бывший начальник штаба фронта генерал-майор В. Е. Климовских, бывший начальник связи фронта генерал-майор А. Т. Григорьев и некоторые другие военачальники были преданы суду военного трибунала за «позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций». Все обвиняемые были осуждены к расстрелу, хотя доказательства их вины фактически отсутствовали⁸⁷.

В подобных условиях даже те военачальники, которые пытались объективно разобраться в причинах поражений советских войск, в некоторых случаях попадали под подозрение и подвергались репрессиям. Так, за доверительные беседы с сослуживцами о возможных ошибках командования в стратегических вопросах крупный военный ученый генерал В. А. Меликов был обвинен в пораженчестве и заключен в тюрьму, где позднее и скончался⁸⁸.

В то же время в работе органов военной контрразведки присутствовала и профилактика. Военные контрразведчики, к примеру, проводили беседы с рядовым и командным составом, направленные на предотвращение чрезвычайных происшествий в войсках: рукоприкладства, пьяных дебошей военнослужащих в общественных местах, мародерства, совершения убийств и самоубийств, фактов гибели военнослужащих по неосторожности.

Значительная работа по повышению боеготовности войск, оказанию помощи командованию была проделана особыми отделами НКВД в период подготовки и проведения наступательной операции под Харьковом весной 1942 г. Следует отметить, что особый отдел НКВД Юго-Западного фронта неоднократно информировал главкома направления С. К. Тимошенко и члена Военного совета Н. С. Хрущева о нецелесообразности ее проведения из-за значительного превосходства противника в силах и неблагоприятного исходного положения советских войск. Однако руководство особого отдела понимания у командования не нашло. В итоге особый отдел НКВД фронта был вынужден направить в Управление особых отделов НКВД СССР сообщение, в котором, основываясь на мнении ряда авторитетных источников из числа военных специалистов, делался вывод о ее нецелесообразности и опасности. По воспоминаниям бывшего сотрудника особого отдела НКВД фронта генерал-лейтенанта М. А. Белоусова, получив это сообщение, В. С. Абакумов связался по ВЧ-связи с членом Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущевым и попросил его высказать свою точку зрения по поводу планируемой операции. Н. С. Хрущев заявил, что согласен с опасениями за исход операции, но он ничего не может сделать.

Руководство особого отдела НКВД Юго-Западного фронта приняло все меры по обеспечению по своей линии безопасности намечаемой операции. Военным советам Юго-Западного фронта и Юго-Западного направления чекисты представили доклад об оперативной и политической обстановке в Харькове, Белгороде, Полтаве и Донбассе. В особый отдел НКВД фронта были вызваны начальники особых отделов армий и корпусов, которые входили в создаваемые южную и северную ударные группы войск. Перед ними были поставлены четкие задачи на период проведения наступления.

Во время подготовки к боевым действиям все особые отделы корпусов, дивизий и бригад, принимавших участие в наступлении, были полностью укомплектованы оперативным со-

ставом. Некоторые отделы получили пополнение из числа работников особого отдела НКВД фронта. Командование фронта организовало вспомогательный пункт управления на участке, где действовала южная ударная группа. Руководство особого отдела фронта направило туда небольшую оперативную группу. На нее возлагалась задача поддержания регулярной связи с аппаратами особых отделов объединений и соединений войск созданной здесь группировки. Она же отвечала за оперативную работу на вспомогательном пункте управления.

К сожалению, опасения особого отдела НКВД фронта оправдались, и Харьковская операция закончилась крупным поражением советских войск. Южная ударная группа попала в окружение, лишь небольшие отряды и группы бойцов и командиров пробившись через вражеское кольцо. Потери в людях и боевой технике были очень большими. Особые отделы, действовавшие в составе наступавших объединений и соединений, потеряли 70% своего оперативного состава, а из оперативной группы на вспомогательном пункте управления остался в живых только один сотрудник.

Трагедией закончилась и очередная попытка советских войск прорвать блокаду Ленинграда, предпринятая весной 1942 г. В конце мая 1942 г. оборона советских войск была прорвана, части и соединения 2-й ударной армии оказались в окружении. Согласно сохранившимся документам особого отдела НКВД армии, командующий армией генерал А. А. Власов, оказавшись в сложном положении, боевыми действиями практически не руководил, пьянствовал. При прорыве из окружения в ночь с 24 на 25 июня 1942 г. начальник особого отдела НКВД 2-й ударной армии А. Г. Шашков был ранен и, не желая обременять других, застрелился. Заместитель начальника особого отдела армии старший лейтенант госбезопасности Ф. М. Горбов, а с ним и часть военных контрразведчиков вышли из окружения 25 июня 1942 г.

Весь конец июня и июль 1942 г. военное командование, чекисты и партизаны пытались разыскать генерала Власова. 16 июля последовало радиосообщение немцев о пленении командующего 2-й ударной армией, тем не менее еще длительное время предпринимались попытки установить судьбу Власова и переправить его через линию фронта. В период с 16 по 20 июля 1942 г. начальник Управления особых отделов НКВД СССР В. С. Абакумов лично контролировал проверку данных о командующем. В этих целях были задействованы возможности Управления особых отделов НКВД Волховского фронта и Ленинградского штаба партизанского движения.

Однако, как оказалось позднее, немцы действительно пленили Власова. Находясь в плену, он пошел на сотрудничество с фашистами. Его авторитет как бывшего командующего армией немцы пытались использовать в интересах создания РОА и национальных легионов. Советские спецслужбы в последующем проводили мероприятия по проникновению в окружение Власова, в том числе с целью его уничтожения (операция «Ворон» и другие), однако решить эту задачу не удалось. Весной 1945 г. Власов был задержан в Чехословакии и позднее по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР казнен⁸⁹.

Отступление советских войск весной — летом 1942 г. сопровождалось усилением такого опасного явления, как дезертирство. Отставшие от своих частей или преднамеренно покинувшие расположение подразделения солдаты во многих случаях начинали добывать себе питание и одежду путем грабежей гражданского населения. Только особыми отделами Донского фронта в течение 1942 г. было выявлено и ликвидировано восемь бандгрупп и бандитов-одиночек, всего 39 человек. Сходное положение было характерно и для других фронтов. К примеру, в конце апреля 1942 г. были получены данные о том, что на территории Уразовского района Курской области оперирует группа из пяти человек, одетых в форму пограничников и выдающих себя за представителей заградительных подразделений по борьбе с дезертирством и изъятию военного имущества у местного населения. Принятыми военными контрразведчиками мерами 5 мая были задержаны три участника названной группы: А. Н. Гусев, В. Ф. Вакуленко, Ф. Д. Посахов. В процессе следствия выяснилось, что бандиты изыскивали оружие у отставших красноармейцев, а обмундирование — у населения. Бандгруппа действовала с осени 1941 г. и совершила несколько убийств местных жителей.

Поражение советских войск под Харьковом оказало огромное влияние на все последующее развитие событий на советско-германском фронте летом и осенью 1942 г. Стратегическая инициатива на длительный период перешла к противнику.

Советское командование первоначально располагало довольно значительными силами для отражения наступления немецких войск. Однако, по оценкам органов военной контрразведки, которые опирались на мнение военных специалистов, командование не всегда использовало их эффективно. К числу типичных недостатков, которые фигурировали в сообщениях органов военной контрразведки, относились:

- слабое знание командными кадрами обстановки, дислокации и планов противника вследствие недостаточного проведения разведки;

- слабый учет при отдаче приказов вышестоящими штабами временного фактора, в результате чего части и отдельные подразделения не имели возможности подготовиться к наступлению или занять оборону;

- при организации наступления командование часто не имело представления о реальных силах противника, соответствующая разведка неприятельских позиций, узлов обороны не проводилась, что влекло за собой в дальнейшем необоснованные потери; не организовывалось должным образом взаимодействие между танковыми, артиллерийскими, пехотными и авиационными частями;

- практиковалось запугивание подчиненных при отдаче приказа вышестоящим командованием угрозами привлечения их к строгой ответственности в случае невыполнения задачи, вплоть до расстрела, снятия с должности и т. п.;

- частая переброска частей, особенно танковых, с одного рубежа на другой, что изматывало личный состав и расходовало материальный ресурс.

Так, согласно информации, направленной из особого отдела НКВД Сталинградского фронта в УОО НКВД СССР 18 июля 1942 г., 23-й танковый корпус за 10 дней совершил марш в общей сложности до 300 км. За этот период бригады корпуса несколько раз занимали и оставляли оборону, фактически не участвуя в боях. В результате непродуманных действий и неразберихи за непродолжительное время части корпуса израсходовали моторесурсы на 35–40%. Танковые подразделения шли в рейд или в атаку часто без пехоты, артиллерии, не имея достаточных запасов ГСМ и боеприпасов. Как следствие, нередкими были случаи, когда материальная часть танковых подразделений, артиллерии выводилась из строя своим личным составом из-за отсутствия горючего, запчастей либо возможности переправить технику через водное препятствие⁹⁰.

По мере отступления в частях и соединениях Красной армии резко снизились дисциплина и моральный дух солдат и офицеров. Как констатировали органы военной контрразведки, в июне 1942 г. несколько участились случаи хранения и распространения военными частями фронтов фашистских листовок с пропусками на сторону противника. Особыми отделами Южного, Юго-Западного, Брянского, Северо-Западного, Ленинградского и Карельского фронтов за распространение и хранение листовок за этот месяц были арестованы 34 военнослужащих⁹¹.

Наступление немецко-фашистских войск на кавказском и сталинградском направлениях сопровождалось повышенной активностью спецслужб противника по заброске агентуры непосредственно в войска и прифронтовую полосу. Особый отдел НКВД Юго-Западного фронта принял самое активное участие в организации отпора наступающим соединениям противника. В составе фронта находилось на тот период времени пять общевойсковых армий и одна воздушная, однако они были обескровлены, и каждая из них по численности фактически не представляла собой не более одной дивизии. В воздушной армии катастрофически не хватало самолетов и летного состава. Снабжение войск боеприпасами, горючим и продовольствием было дезорганизовано.

В этих условиях руководство особого отдела фронта добилось разрешения НКВД СССР на ввод в бой 13-й конвойной дивизии войск НКВД, располагавшейся в районе Валук. 11 июля 1942 г. особый отдел фронта в донесении в Управление особых отделов НКВД СССР просил

доложить Ставке, что без немедленного пополнения Юго-Западного фронта крупными свежими силами он не сможет оказать серьезного сопротивления врагу.

12 июля 1942 г. в соответствии с решением Ставки был сформирован новый Сталинградский фронт. 17 июля 1942 г. перешла в наступление немецкая группа армий «Б»: 6-я полевая армия генерала Ф. Паулюса и 14-й танковый корпус были нацелены на Сталинград.

Продолжавшееся отступление советских войск, выход противника в район р. Волги вынудили руководство страны и вооруженных сил пойти на крайние меры. 28 июля 1942 г. нарком обороны СССР издал известный приказ № 227 об укреплении порядка и дисциплины в войсках, который был доведен до всего личного состава Красной армии и Военно-морского флота. Приказ требовал прекратить отступление, упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории. В целях укрепления дисциплины предусматривалось сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и политработников, проявивших трусость или неустойчивость. В пределах армии формировалось 3–5 заградительных отрядов (до 200 человек в каждом) для пресечения случаев паники, несанкционированного отхода войск и 5–10 штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлялись допустившие нарушения дисциплины бойцы и младшие командиры.

На всех фронтах, за исключением Сталинградского, за формирование заградотрядов отвечали военные советы фронтов, которым они и были непосредственно подчинены. На Сталинградском фронте военные советы формировали заградотряды совместно с особыми отделами, поэтому последние имели двойное подчинение. Проблемой создания заградительных отрядов на Сталинградском фронте занимался и лично руководитель Управления особых отделов НКВД СССР В. С. Абакумов. Он прибыл в Сталинград ориентировочно 3 августа 1942 г. с большой группой руководящих работников. После беседы с командующим фронтом и членом Военного совета В. С. Абакумов сформировал три оперативные группы, которые выехали в армии, чтобы выяснить обстановку на местах и проверить работу по созданию заградительных отрядов. Побывав 6 августа 1942 г. с группой работников в 62-й и 64-й армиях, В. С. Абакумов установил, что формирование заградотрядов не закончено, и в кратчайшие сроки добился выполнения решения Ставки. На 9 августа 1942 г. были созданы и действовали: в 63-й армии — 4, в 21-й армии — 4, в 62-й армии — 3, в 64-й армии — 5, в 51-й армии — 2, в 1-й танковой армии — 3, в 4-й танковой армии — 3 заградотряда⁹².

В период нахождения В. С. Абакумова в войсках противник 7 августа 1942 г. прорвал оборону и вышел на правый берег р. Дон в районе Калач — Камыши — Пятиизбянская. Ряд соединений 62-й армии оказался отрезан противником, который предпринимал меры к окружению всей армии и овладению переправами в районе Калача, подвергая боевые порядки наших войск непрерывной массированной бомбардировке с воздуха.

Днем 8 августа остатки личного состава 131-й стрелковой дивизии и других частей, непосредственно защищавших подступы к мосту и переправам, начали беспорядочно переправляться на левый берег Дона, в большинстве раздетые и без оружия. Раненым на берегу Дона у переправ медпомощь не оказывалась. Чтобы исправить положение в особый отдел был вызван начальник санотдела 62-й армии, которого заставили принять меры к эвакуации раненых и оказанию им помощи. В целях задержания дезертиров и лиц, в беспорядке отходящих с правого берега Дона, особым отделом армии были созданы три заградотряда и 10 заградительных групп, на которые была возложена задача оказывать помощь командованию в наведении порядка, направлять неорганизованно выходящих военнослужащих в распоряжение командования армии, а дезертиров, бросивших оружие и обмундирование, в необходимых случаях расстреливать на месте перед строем.

О сложившейся обстановке, недостатках в управлении войсками, действиях органов военной контрразведки фронта В. С. Абакумов в течение 8–10 августа докладывал шифротелеграммами наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии. Несмотря на трагичность сложившейся обстановки, превосходство противника в авиации и танках, части и соединения Красной армии, как следует из докладов, стремились до последнего удерживать свои пози-

ции и не отступать без приказа. Так, в шифровке на имя Л. П. Берии со Сталинградского фронта от 9 августа 1942 г. начальник Управления особых отделов НКВД СССР отмечал, что «случаев паники и беспорядочного отхода частей в 63, 21, 64, 51-й и двух танковых армиях, вызывающих необходимость применения действий отрядов, не было. Заградотрядами за период с 6 по 8 августа задержано одиночек и мелких групп — 721 человек, из которых расстреляно — 27, арестовано — 23, направлено в штрафные роты — 275, остальные направлены на пересыльные пункты»⁹³.

Перед возвращением в Москву В. С. Абакумов потребовал от подчиненных, чтобы информация о положении на Сталинградском фронте поступала в Управление особых отделов НКВД СССР ежедневно, при этом она должна была содержать исключительно правдивые и объективные сведения. Необходимо отметить, что руководство Управления выдвигало подобное требование и к руководству особых отделов других фронтов.

Согласно директиве НКВД СССР от 4 июля 1942 г. № 264, органы военной контрразведки обязаны были докладывать в Управление особых отделов НКВД СССР тщательно проверенную информацию по вопросам: «предупреждения провала боевых операций, подготовки предательства, дезертирства, террористических намерений, самострела, трусости, паникерства, преступной деятельности лиц командно-начальствующего состава, подрывающих боеспособность частей Красной армии и кораблей ВМФ, о серьезных недочетах в состоянии частей КА и ВМФ с указанием мероприятий, принятых особым отделом на месте», об антисоветской деятельности «вражеских элементов», о количестве арестованных шпионов, диверсантов, террористов, дезертиров и по некоторым другим вопросам. Особо важные донесения должны были направляться по телеграфу. НКВД СССР обязывало особые отделы реализовывать свои материалы через командование и принимать конкретные меры по устранению выявленных недостатков.

По данным особых отделов НКВД, подавляющее большинство солдат и офицеров восприняли приказ № 227 как крайне необходимый и своевременный. Более того, многие военнослужащие отмечали, что он был необходим еще месяц-два назад. Были и другого рода высказывания, однако процент их относительно невелик. Например, в частях и соединениях 4-й танковой армии по состоянию на 14 августа 1942 г. особыми отделами было выявлено всего около 20 отрицательных мнений и высказываний⁹⁴.

В соответствии с приказом НКВД № 227 в частях действующей армии по состоянию на 15 октября 1942 г. было сформировано 193 заградительных отряда, из них в частях Сталинградского фронта — 16 и Донского фронта — 23, они были подчинены особым отделам НКВД армий. Заградительными отрядами с начала их формирования (с 1 августа по 15 октября 1942 г.) были задержаны 140 755 военнослужащих, оставивших без приказа передовую линию фронта. Из числа задержанных были арестованы 3980 человек, расстреляны — 1189, направлены в штрафные роты — 2776, в штрафные батальоны — 185, возвращены в свои части и на пересыльные пункты — 131 094 человека.

Наибольшее число задержаний и арестов было произведено заградительными отрядами Донского и Сталинградского фронтов. В частности, по Донскому фронту были задержаны 36 109 человек, из них арестованы — 736, расстреляны — 433, направлены в штрафные роты — 1056, в штрафные батальоны — 33, возвращены в свои части и на пересыльные пункты — 32 933 человека. На Сталинградском фронте задержаны 15 649 человек, из них арестованы — 244, расстреляны — 278, направлены в штрафные роты — 218, в штрафные батальоны — 42, возвращены в свои части и на пересыльные пункты — 14 833 человека⁹⁵.

Применение заградительных отрядов в исключительно сложных условиях 1942 г. во многих случаях было суровой необходимостью. Например, 14 сентября 1942 г. противник предпринял наступление против оборонявших Сталинград частей 399-й стрелковой дивизии 62-й армии. Бойцы и командиры 396-го и 472-го стрелковых полков в панике стали отходить, оставляя занимаемые рубежи. Начальник заградотряда младший лейтенант госбезопасности Ельман приказал своему отряду открыть огонь над головами отступающих. В результате личный состав этих полков был остановлен, и через два часа полки заняли прежние рубежи обороны⁹⁶.



Проверка документов

Заградительные отряды формировались и особыми отделами НКВД флотов, принимавших участие в боевых действиях. Так, заставы заградительного отряда особого отдела НКВД Балтийского флота в 1941–1942 гг. задержали около 6 тыс. человек, из этого числа арестованы и осуждены — 167, расстреляны без суда — 11, переданы органам прокуратуры — около 800, а часть задержанных освобождена из-за отсутствия состава преступления⁹⁷.

В целом заградительные отряды, и особенно на Сталинградском и Донском фронтах, в период ожесточенных боев с противником сыграли свою положительную роль в деле наведения порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода с занимаемых ими рубежей, возвращения значительного числа военнослужащих на передовую линию фронта.

В критические моменты, когда требовалась поддержка обороняющимся войскам, заградительные отряды вступали непосредственно в бой с противником и сдерживали его натиск. Так, 15–16 сентября 1942 г. заградотряд 62-й армии в течение двух суток успешно вел бой с превосходящими силами противника в районе железнодорожного вокзала Сталинграда. Несмотря на свою малочисленность, отряд не только оборонялся, но и переходил в контратаки, и свой рубеж оставил только после смены частями стрелковой дивизии.

На некоторых фронтах отмечались факты, когда командиры соединений использовали находящиеся у них в оперативном подчинении заградительные отряды в качестве обычного боевого подразделения. Так произошло, например, с заградительным отрядом 29-й армии Западного фронта. Участвуя в одной из атак, отряд из 118 человек личного состава потерял

убитыми и ранеными 109 человек, после чего его пришлось переформировывать. Неоднократно использовались для ведения боевых действий заградительные отряды на Воронежском, Донском фронтах. Руководство УОО НКВД СССР полагало в тот период, что подобное нецелевое использование заградительных отрядов являлось неправильным⁹⁸.

Необходимо также отметить, что после выхода приказа № 227 отдельные командиры воинских частей и соединений проявляли самоуправство и злоупотребляли теми широкими правами, которые были им предоставлены. Отмечались случаи необоснованных расстрелов, угроз расстрелом и т. п. В подобных случаях особые отделы НКВД через вышестоящее командование и военных прокуроров принимали необходимые меры по нормализации обстановки и привлечению виновных к ответственности.

Роль и место органов военной контрразведки в развернувшемся летом 1942 г. под Сталинградом ожесточенном сражении далеко выходили за рамки работы обычной спецслужбы. В критический момент войны, когда на сталинградском направлении решалась фактически судьба всей страны, на первый план в работе особых отделов выдвинулась задача стабилизации обстановки на линии фронта, поддержания воинской дисциплины, а также оперативного информирования Верховного главнокомандования и командований фронтов о реально складывающейся обстановке, причинах неудач наших войск. Особые отделы НКВД стали действующими субъектами развернувшейся битвы, оказавшими реальное влияние на ход боевых действий.

Руководителем особого отдела НКВД Сталинградского фронта в этот период являлся старший майор госбезопасности Н. Н. Селивановский. Человек решительный, храбрый, не боявшийся брать ответственность на себя, он оказался на уровне тех исключительно трудных задач, которые стояли перед военными контрразведчиками фронта в критический период Великой Отечественной войны.

В начале августа 1942 г. последовало решение Ставки о разделении Сталинградского фронта на два: Сталинградский и Юго-Восточный. При этом возникли определенные трудности в разделении особого отдела фронта. В качестве компромиссного было принято решение сформировать особый отдел НКВД Юго-Восточного фронта на базе особого отдела расформировываемой 1-й танковой армии. Такое решение способствовало сохранению в целостности уже сработавшегося коллектива, знакомого с обстановкой в полосе действий вновь создаваемого фронта. Между тем 9 августа 1942 г. Ставкой было принято решение создать единое командование двумя фронтами, защищавшими Сталинград. Вслед за этим последовало указание Н. Н. Селивановскому возглавить работу особых отделов обоих фронтов.

Обстановка продолжала ухудшаться. 23 августа 1942 г. немецкие войска прорвали фронт и вышли на подступы к Сталинградскому тракторному заводу. Город горел, началась паника среди жителей и на некоторых участках обороны. Бежавшие из городской тюрьмы уголовники занимались мародерством, грабили магазины и квартиры. Оперативные группы особого отдела фронта на переправах в этот день задержали около тысячи военнослужащих, без приказа покинувших свои позиции. Все они были в основном из правофланговых соединений 62-й армии, по которым противником был нанесен особенно сильный удар. Два действовавших на этом участке заградотряда вступили в бой с противником и почти полностью погибли.

В этих условиях в ночь с 23 на 24 августа начальник ОО НКВД Сталинградского фронта Н. Н. Селивановский собрал находившихся в городе руководящих работников особых отделов Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. На совещании было принято решение сосредоточить силы на выполнении приказа № 227, борьбе с дезертирством и членовредительством, поддержании порядка в городе, особенно на переправах. Решение этих задач возложили на одно из отделений особого отдела, численность которого довели до 60 человек. Это отделение действовало в тесном контакте с областным управлением НКВД, милицией, военной комендатурой города и подразделениями войск НКВД по охране тыла. Начальник тыла фронта возглавил штаб, сформированный из представителей военной контрразведки, территориального органа НКВД, милиции, военной комендатуры. Штаб, в свою очередь,

взял под свой контроль плавсредства, создал оперативные группы для несения службы на переправах, патрулирования в городе и проведения других мероприятий.

Общее руководство особыми отделами двух фронтов, оборонявшихся в районе Сталинграда, стала осуществлять оперативная группа во главе с начальником особого отдела Сталинградского фронта.

В августе — сентябре 1942 г. НКВД СССР и, в частности, Управление особых отделов практически ежедневно направляли донесения в ГКО и ГШ РККА о положении на Сталинградском и Юго-Западном фронтах, в которых анализировалась сложившаяся на фронте ситуация, указывалось на имеющиеся недостатки в боевой деятельности войск, а также вносились предложения по стабилизации обстановки. Они в определенной мере дублировали донесения по линии командования, но позволяли руководству страны и вооруженных сил более объективно оценивать положение под Сталинградом, принимать верные решения.

Деятельность органов военной контрразведки не ограничивалась только информационной работой. С учетом исключительно сложной обстановки на фронтах руководители особых отделов, используя все имевшиеся в их распоряжении возможности, пытались в ряде случаев добиться принятия военным командованием тех или иных конкретных управленческих решений. К примеру, 5 сентября 1942 г., побывав на КП 62-й армии, начальник особого отдела фронта Н. Н. Селивановский убедился в том, что в штабе армии царили неуверенность и подавленность. Командование считало, что армия не в силах удержать Сталинград и вести бои в городе нецелесообразно.

Вечером того же дня Н. Н. Селивановский вместе с начальником УНКВД по Сталинградской области А. И. Ворониным переправились на левый берег Волги и прибыли на КП фронта. На встрече с членами Военного совета фронта Н. Н. Селивановский настаивал на том, чтобы вместо генерала А. И. Лопатина новым командующим 62-й армией был назначен генерал В. И. Чуйков, который уже показал себя к этому времени с положительной стороны в оборонительных боях. 7 сентября 1942 г. особый отдел НКВД фронта направил в Управление особых отделов НКВД СССР телеграмму о критической обстановке в городе. В ней же высказывалась просьба ходатайствовать перед Верховным главнокомандующим о немедленном назначении командующим 62-й армией генерала Чуйкова. Через несколько дней такое назначение состоялось.

Огромные потери, которые несли части Красной армии в ходе Сталинградской битвы, приводили к морально-психологическому надлому отдельных военнослужащих. Как, например, следует из сообщения особого отдела НКВД Юго-Западного фронта, по состоянию на 22 сентября 1942 г. после многодневных упорных боев в 13-й гвардейской стрелковой дивизии оставалось 500 активных штыков, в 10-й дивизии войск НКВД — 60 активных штыков, в 42-й стрелковой бригаде — 20 активных штыков. Аналогичное положение было характерно и для других соединений. Вся 62-я армия насчитывала на этот момент около 5 тыс. человек.

Некоторые солдаты и офицеры считали происходящее чьим-то злым умыслом. В беседах высказывалось недоверие собственному командованию, которое «не умеет командовать» и только «гробит» армию. В некоторых случаях даже велись разговоры о прямом предательстве со стороны командования армий и фронта. Такие суждения являлись следствием трагического положения дел на фронте, однако в условиях ожесточенного сражения с врагом это было чревато возникновением паники, беспорядочным отступлением. По этой причине летом — осенью 1942 г. особые отделы в ряде случаев привлекали отдельных военнослужащих к уголовной ответственности «за пораженческие настроения и распространение панических слухов».

Тяжелое положение, сложившееся под Сталинградом в августе — октябре 1942 г., находило отражение и в почтовой корреспонденции, отправляемой в тыл. Во многих письмах бойцов и командиров присутствовали высказывания о плохой организации боя, недостатке боеприпасов и вооружения, слабой активности нашей авиации и недовольство комсоставом. В то же время, как свидетельствуют материалы отделений военной цензуры, даже в самые напряженные и трагические дни битвы на Волге общий настрой военнослужащих фронта был

здоровым, патриотическим. К примеру, отделением военной цензуры 62-й армии в период с 15 июля по 1 августа 1942 г. было просмотрено 67 380 писем. Большинство их носили сугубо бытовой характер. Писем, выделявшихся своим патриотическим настроем, было отобрано 1333, отрицательным — 125. Изъято военной цензурой по различного рода основаниям было всего 93 письма, что составило 0,1% к общему числу⁹⁹.

В работе самих органов военной цензуры в этот период имелись определенные проблемы. 12 сентября 1942 г. НКВД СССР издал специальную директиву № 386, в которой речь шла об устранении имевшихся в этой сфере недостатков. Отмечалось, в частности, что в ряде отделений военной цензуры наблюдалась погоня за количественными показателями, имели место факты потери пересылаемых документов, фотокарточек и писем, цензоры из-за небрежности забивали штампами или срезали адреса, номера полевой почты и т. п. Ряд работников отделений военной цензуры не имел соответствующей квалификации. Директива обязала начальников областных управлений НКВД и начальников особых отделов в войсках обратить пристальное внимание на работу военной цензуры, устранить имеющиеся недостатки и впредь держать работу отделений под постоянным контролем¹⁰⁰.

Напряженно работали особые отделы НКВД Сталинградского и Донского фронтов в сентябре — октябре 1942 г., когда враг оказался непосредственно в Сталинграде и бои шли уже на улицах города. Донесения о складывающейся обстановке особых отделов НКВД фронтов передавались немедленно, чаще всего по каналам ВЧ-связи в адрес наркома Л. П. Берии или его заместителя начальника УОО НКВД СССР В. С. Абакумова. Счет шел на часы. Так, например, в донесении по ВЧ-связи от 16 сентября 1942 г. на имя Л. П. Берии и В. С. Абакумова начальник особого отдела фронта Н. Н. Селивановский докладывал, что 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А. И. Родимцева за день боев 15 сентября израсходовала все боеприпасы к автоматическому оружию и по состоянию на полночь 16 сентября боеприпасов не получила. Командир дивизии для перевозки раненых на другой берег Волги никаких средств не имел.

В этой связи особым отделом через командующего фронтом был поставлен вопрос о немедленной доставке для дивизии 500 тыс. патронов к автоматам, 10 тыс. патронов для ПТР, 10 пушек со снарядами, выделении одного-двух речных судов (типа прогулочных трамваев) для перевозки раненых и переправы 1500 бойцов, оставшихся на левом берегу в ночь на 15 сентября¹⁰¹. Эта информация, видимо, исходила лично от Н. Н. Селивановского, который в ночь на 16 сентября 1942 г. выезжал в Сталинград, где разбирался с обстановкой, принял меры к организации охраны КП 13-й гвардейской стрелковой дивизии и пункта связи командующего 62-й армии, располагавшихся на берегу Волги в 100—150 м от противника.

21 сентября 1942 г. Н. Н. Селивановский вновь находился в Сталинграде в районе завода «Красный Октябрь». В этот же день особый отдел НКВД фронта докладывал в УОО НКВД СССР об обстановке: «Сегодня противник вел особенно интенсивный огонь из артиллерии и подвергал бомбардировке с воздуха центр города и место причалов переправ. Сгорели две центральные пристани. Есть много жертв. У пристани на правом берегу Волги продолжает иметь место неорганизованность. Переправляемые боеприпасы своевременно... не принимаются, в связи с чем сгружаются на берег и днем зачастую подрываются огнем противника. Раненые до вечера не вывозятся. Тяжело раненые не получают помощи — умирают. Их трупы не убираются, по ним ездят на машинах. Врачей нет. Помощь раненым оказывают местные женщины. По всем этим вопросам проинформирован начальник штаба фронта тов. Захаров. Последний дал указание о направлении медперсонала в Сталинград, приказал убрать трупы»¹⁰².

Значительный поток информационных материалов о положении в Сталинграде шел в центр и по линии управления НКВД по Сталинградской области. Как правило, информация касалась положения на линии фронта, результатов оперативной деятельности сотрудников управления. Материалы направлялись в адрес наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, либо его заместителя — начальника Управления особых отделов В. С. Абакумова. Например, 5 октября 1942 г. начальник УНКВД по Сталинградской области старший майор гос-

безопасности А. И. Воронин направил в адрес Л. П. Берии телефонограмму об ухудшении оперативной обстановки в Сталинграде. Согласно сообщению, в ходе наступления противник занял часть районов города, в том числе верхний поселок завода «Баррикады». Линия обороны на тот момент проходила по территории заводов «Красный октябрь», «Баррикады», центральной части поселка СТЗ и по р. Мокрая Мечётка. УНКВД на 4 октября 1942 г. были арестованы четыре агента немецкой разведки, задержаны 35 лиц, которые подозревались в шпионаже и дезертирстве¹⁰³.

Свою роль в поддержании дисциплины в обороняющихся войсках в самые напряженные моменты обороны Сталинграда сыграли и заградительные отряды. Только заградительным отрядом особого отдела 62-й армии с 13 по 15 сентября 1942 г. были задержаны 1218 человек военнослужащих, из которых расстреляны — 21, арестованы — 10, а остальные направлены в свои части. Как выяснилось в процессе опроса, большинство задержанных относились к одному из полков 399-й стрелковой дивизии, который был брошен на поле боя командиром и комиссаром полка. За проявленную трусость и бегство с поля боя позднее они были расстреляны перед строем¹⁰⁴.

При выполнении боевых задач оперативный состав органов военной контрразведки, как правило, действовал смело и решительно, проявлял высокое чувство долга и ответственности. В случае выхода командиров и комиссаров из строя военные контрразведчики решительными мерами пресекали панику и отступление, брали командование на себя, личным примером увлекали бойцов в атаку, что способствовало успешному решению поставленных перед частями и подразделениями задач.

Так, согласно сообщению начальника особого отдела 84-й танковой бригады в особый отдел 62-й армии от 31 октября 1942 г., оперуполномоченный по 201-му танковому батальону младший политрук А. Я. Расторгуев 14 октября 1942 г., когда противник прорвал передний край обороны в районе тракторного завода, уничтожил немецкий танк бутылкой с горючей жидкостью. В тот же день другой оперуполномоченный особого отдела бригады лейтенант госбезопасности А. В. Данилюк в момент атаки немцев остановил беспорядочно отходивших бойцов и добился того, чтобы они вновь заняли оборону.

18 октября 1942 г. совершил подвиг оперуполномоченный особого отдела НКВД 308-й стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии И. А. Ткаченко. В ходе боя он из автомата и гранатами уничтожил нескольких гитлеровцев. Позднее, когда путь наступающим подразделениям преградил огонь дзота противника, он во главе группы бойцов подполз к огневой точке и забросал ее гранатами. В ходе боя Ткаченко был смертельно ранен. За проявленное мужество и героизм он был представлен к награждению орденом Ленина посмертно¹⁰⁵.

При этом часто подвиги военных контрразведчиков оставались незамеченными и не оцененными в должной степени. Как правило, чекистов награждали за подвиги на поле боя, а не за оперативные результаты. Неслучайно в основном инициаторами поощрения были представители военного командования.

Необходимо отметить, что помимо решения собственно контрразведывательных задач сотрудникам особых отделов приходилось выполнять многочисленные поручения Военного совета фронта. Сотрудники особых отделов разыскивали или встречали остатки войск, отходивших к Сталинграду, задерживали отдельные зенитные и артиллерийские подразделения и обязывали их командование занимать оборону на подступах к городу для борьбы с танками противника, принимали меры по сбору раненых в развалинах города и их эвакуации, доставке с левого берега на передовую боеприпасов, поддерживали порядок на переправах и даже ходили в разведку на глубину до 30 км в тыл врага.

Так, в начале сентября 1942 г. по просьбе Военного совета фронта сотрудниками особых отделов была организована доставка в Сталинград более 100 вагонов боеприпасов. Тыловые службы не справлялись с этой задачей. Восемь оперработников особого отдела в течение нескольких часов 1 сентября 1942 г. смогли мобилизовать на левом берегу Волги около 300 грузовых автомашин, принадлежащих выведенным на переформирование воинским частям и различным гражданским организациям. Автомшины были заправлены на аэро-

дроме, разбиты на шесть автоколонн, которые и перевезли к Волге 103 вагона боеприпасов. Далее они переправлялись в Сталинград на различных плавсредствах.

Новые сложные задачи встали перед военными контрразведчиками при подготовке наступательной операции Красной армии с целью окружения и разгрома немецко-фашистской группировки под Сталинградом. Подразделения органов военной контрразведки, обеспечивавшие безопасность Ставки ВГК, Генерального штаба, штабов фронтов, приняли все меры к тому, чтобы в период разработки замысла операции и доведения его до исполнителей противнику не стало известно о планах советского командования. От работы в штабах отстранялись лица, не внушавшие доверия, проводились проверки соблюдения режима секретности, требований по скрытному управлению войсками и т. д.

Принятые совместно с командованием меры в целом позволили решить задачу, хотя, безусловно, полностью скрыть факт сосредоточения значительного количества свежих частей и соединений на направлении главных ударов было невозможно. По показаниям фельдмаршала Ф. Паулюса, примерно с середины октября 1942 г. по результатам наблюдений на земле и с воздуха противник сделал вывод о подготовке советских войск к наступлению и сосредоточении крупных сил как северо-восточнее, так и южнее Сталинграда. Об этом шли донесения в штаб армейской группировки «Б». Оттуда соответствующие предложения направлялись в ставку верховного командования, но последнее не верило в опасность наступления Красной армии¹⁰⁶.

В первых числах ноября 1942 г. на Сталинградском фронте состоялось совещание под руководством заместителя Верховного главнокомандующего Г. К. Жукова и начальника Генерального штаба А. М. Василевского, на котором был рассмотрен план контрнаступления советских войск под Сталинградом. Особому отделу фронта было поручено, в первую очередь, оказать помощь командованию в вопросах перемещения войск, подвоза боеприпасов и других военных грузов и переправы их на правый берег Волги на Сталинградский фронт.

Особый отдел фронта взял под контроль все фронтовые и армейские переправы через реку. На каждой из переправ несли круглосуточное дежурство два-три оперативных работника из аппаратов особых отделов фронта и армий. В их обязанности входило поддержание порядка на переправах и режима их работы, что означало переброску войск и грузов строго по графику, принятие мер к своевременному укрытию и маскировке переброшенных на правый берег Волги сил. Старший оперативный работник на каждой переправе имел мандат Военного совета фронта, согласно которому его распоряжения предписывалось выполнять безоговорочно всем командирам и начальникам, оказавшимся в районе переправы.

Переправа осуществлялась в основном ночью в темноте и требовала особой организованности. Только с 1 по 20 ноября 1942 г. южнее Сталинграда было перевезено на правый берег Волги более 160 тыс. бойцов и командиров, более 10 тыс. лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14 тыс. автомашин и несколько десятков тысяч тонн боеприпасов и горючего. В успешном решении этой сложной задачи немалая доля труда и оперативного состава особых отделов.

Накануне наступления руководство особых отделов НКВД Сталинградского и Донского фронтов заблаговременно поставило задачи перед подчиненными органами. Оперативный состав особых отделов на период подготовки и проведения наступления в первую очередь должен был исключить случаи измены Родине и перехода советских военнослужащих на сторону противника, обеспечить эффективную борьбу с дезертирством и симуляцией, предотвращать попытки совершения террористических актов в отношении командного состава, поднимающего бойцов в атаку, не допускать мародерства на освобождаемой территории.

В период наступления подразделения военной контрразведки фронтов должны были обеспечить захват кадровых разведчиков и агентуры противника, документации вражеских разведывательных, контрразведывательных и карательных органов, задержание изменников Родины, карателей, пособников оккупантов, бывших военнослужащих Красной армии, осевших на жительство в освобождаемых населенных пунктах. Во избежание разглашения сведений о предстоящем наступлении руководством особых отделов фронтов было принято решение временно прекратить заброску своей агентуры в неприятельский тыл.

Оценивая работу органов военной контрразведки по оказанию помощи командованию в поддержании боеспособности частей и соединений действующей армии в начальный период войны, следует признать, что она во многом способствовала стабилизации положения на линии фронта и в прифронтовой полосе. Благодаря решительным действиям военного командования и сотрудников особых отделов НКВД была организована эффективная борьба с проявлениями паники, неорганизованности, дезертирством, переходом на сторону врага и членовредительством. Своей работой на данном направлении органы военной контрразведки способствовали постепенному наступлению перелома в действиях на фронтах в пользу советских войск в самый драматичный и сложный период Великой Отечественной войны.

Информирование высшего политического руководства страны, военного командования и политических органов

С началом Великой Отечественной войны работа по информированию руководства страны и военного командования осуществлялась особыми отделами НКВД на всех уровнях. Высшему политическому и военному руководству страны постоянно направлялись материалы о результатах деятельности органов военной контрразведки, реальном положении на фронтах, крупных недостатках и проблемах, проявившихся в ходе боевых действий частей и подразделений Красной армии и ВМФ и т. п. Информация органов военной контрразведки такого рода поступала в ГКО, Ставку ВГК, членам советского правительства и Политбюро ЦК ВКП(б). Кроме того, особые отделы НКВД регулярно информировали военные советы фронтов и армий о выявленных устремлениях разведывательных органов противника и результатах своей деятельности, об имеющихся недостатках, влияющих на боеспособность частей и соединений, о политико-моральном состоянии личного состава, фактах дезертирства, измены Родине и т. п.

Уже в первые дни войны при начальнике 3-го управления НКО СССР майоре госбезопасности А. Н. Михееве была создана специальная группа информации. В состав группы входило всего три оперативных сотрудника и три машинистки-стенографистки. Каждый из оперативных сотрудников курировал один из театров военных действий. По воспоминаниям сотрудника группы М. А. Белоусова, ее задачей было получение информации с фронтов по линии особых отделов и предоставление ее после обработки И. В. Сталину, некоторым другим членам Политбюро, наркому обороны, начальнику Генерального штаба и начальнику Главного политического управления Красной армии. Необходимость создания группы отчасти обуславливалась тем, что штабы фронтов не всегда справлялись с предоставлением информации в Генеральный штаб и наркому обороны СССР. К тому же поступающая от них информация нередко была необъективной.

Руководители государства и органов безопасности придавали этому направлению работы исключительное значение. В первые месяцы войны информация особых отделов НКВД большей частью касалась неудачных действий частей и соединений Красной армии, причем во многих случаях речь шла не о простой констатации фактов. В документах назывались причины происходящих событий, а также содержались конкретные предложения военных контрразведчиков по исправлению положения. Не со всеми приводимыми положениями можно согласиться, тем не менее они дают оригинальное видение и объяснение многих трагических фактов начального периода войны. Так, органы военной контрразведки сообщали, что:

— большинство стрелковых дивизий не успело занять назначенные им полосы обороны вдоль государственной границы и вступило в сражение в основном с марша, при ограниченном количестве боеприпасов и горючего, поэтому противник сравнительно быстро прорвал их оборону и начал развивать наступление в глубину;

— частая потеря управления не позволяла сосредоточить усилия обороняющихся на угрожаемых направлениях, приказы и распоряжения доходили до войск с большим опозданием и не соответствовали складывающейся обстановке, служба тыла была дезорганизована, при проведении контрударов механизированные соединения вводились в сражение по частям без четкой организации взаимодействия и надежного прикрытия с воздуха;

— взаимодействие частей организовано плохо, отсутствует централизованное управление из-за проблем со связью, наблюдается массовый отрыв отдельных групп бойцов от своих подразделений и самостоятельное оставление ими позиций, уход в тыл.

Многие сводки касались конкретных операций и событий. К примеру, освещая развитие обстановки на северо-западном направлении, органы военной контрразведки сообщали, что 28-я танковая дивизия полковника И. Д. Черняховского, которая должна была участвовать в контрударе, к 10 часам только вышла в исходный район. После 50-километрового марша танки остались без горючего. Армейский автотранспорт сумел доставить всего 16 бочек горючего, в то время как для заправки всех танков дивизии требовалось не менее 60–70 тонн. Дивизионные склады располагались в районах Риги, в 190 км от исходного района. На северо-западном направлении части 8, 12 и 27-й армий отступали неорганизованно и в беспорядке, бросая оружие и боеприпасы. Поэтому, прибыв на новые рубежи обороны, были не в состоянии организовать сопротивление противнику¹⁰⁷.

Военная контрразведка сообщала также о катастрофических потерях личного состава. Так, по данным особых отделов, после десятидневного отступления в 10-й стрелковой дивизии насчитывалось всего 1100 человек, в 48-й — 500, в 125-й — 980, в 11-й — 1 тыс. человек¹⁰⁸.

8 июля 1941 г. И. В. Сталину было направлено донесение заместителя начальника 3-го управления НКВД СССР Ф. Я. Тутушкина о потерях ВВС Северо-Западного фронта в первые дни войны. В документе говорилось, что вследствие неготовности частей ВВС ПриОВО к военным действиям, нераспорядительности и бездеятельности некоторых командиров авиадивизий и полков, граничащих с преступными действиями, около 50% самолетов было уничтожено противником при налетах на аэродромы. «Вывод частей из-под удара авиации противника не был организован, — констатировалось в донесении. — Зенитные средства обороны аэродромов отсутствовали, а на тех аэродромах, где средства были, не было артснарядов... Перебазировка на другие аэродромы проходила неорганизованно, каждый командир дивизии действовал самостоятельно, без указаний ВВС округа, посадку совершали, кому где вздумается, в результате чего на некоторых аэродромах скапливалось по 150 машин. Так, на аэродроме Пильзино противник, обнаружив такое скопление самолетов, налетом одного бомбардировщика 25 июня с. г. уничтожил 30 самолетов... В данное время авиачасти ВВС Северо-Западного фронта являются неспособными к активным боевым действиям, так как в своем составе имеют единицы боевых машин: 7-я авиадивизия — 21 самолет, 8-я авиадивизия — 20, 57-я авиадивизия — 12»¹⁰⁹.

Помимо информирования высшего политического и военного руководства страны о положении на фронте и в тылу, органы военной контрразведки сообщали в ряде случаев руководству НКВД СССР о недостатках в деятельности некоторых структур самих органов безопасности. При этом поступало много негативного материала о неблагоприятных поступках их коллег, прежде всего из территориальных органов НКВД. В частности, было установлено, что с первых месяцев войны партийно-советские органы и территориальные органы НКВД в прифронтовой полосе в ряде случаев проявляли «вредные преждевременные эвакуационные настроения и растерянность, дезорганизуя этим всю систему государственного аппарата на местах»¹¹⁰.

9 августа 1941 г. начальник особого отдела НКВД 20-й армии Ф. В. Воистинин сообщил из Орла в Центр: «Когда 20-я армия действовала в районах Витебской и Смоленской областей, то из работников НКГБ и НКВД никто не остался, и среди местного населения приходилось громить контрреволюционеров силами особых органов, которые и так загружены борьбой с контрреволюцией, проникающей в Красную армию»¹¹¹.

8

Секретно
=====
Экз. №..

ОБЩИЕ ПОТЕРИ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ И ЛЕТНОГО СОСТАВА
ЧАСТИ 11 САД за период с 1.7.41 по 31.7.41 года.

- 2.7.41г. Исправных - 18, неисправных - 9, всего 27 с-тов. Не вернулось с боевого задания из района РАГАЧЕВ - БОБРУЙСК 5 ИЛ-2. Пропали без известия ст. лейтенант ДЕНЕСОК, ШИРОКИЙ и мл. лейтенант ВОЛКОВ, ст. лейтенант КОШЕЛЕВ, лейтенант КРИВИЧ. Восстановлено за день два самолета.
- 3.7.41г. Исправных 13, неисправных - 9, всего 22 самолета. Не вернулось с боевого задания из района РАГАЧЕВ, БОБРУЙСК: мл. лейтенант АЛЕКСИЙКИН, ст. политрук ДРОКОВ, ст. политрук ВАСИЛИЧКО. Восстановлено за день один самолет.
- 4.7.41г. Исправных - 11, неисправных 8, всего - 19 самолетов. Не вернулось с боевого задания из района РАГАЧЕВ - три самолета. Сбиты огнем З.А. противника.
- 5.7.41г. Исправных - 10, неисправных - 0, всего 10 самолетов. Два самолета обнаружено из неявившихся неисправными 3.7.41г.
- 6.7.41г. Исправных - 10, неисправных - 8, всего - 18 самолетов. Один самолет обнаружен из неявившихся 4.7.41г. Восстановлено за день три самолета.
- 7.7.41г. Исправных - 13, неисправных - 0, всего - 19 самолетов. Не вернулось с боевого задания из района Рагачев - три самолета, два сбиты огнем З.А. летчики лейтенант ТКАЧЕНКО Мл. лейтенант СОРОКИН. Один самолет - причины неизвестны.
- 8.7.41г. Исправных - 8, неисправных - 8, всего 16 самолетов. Один самолет обнаружен без горючего на площадке, прибыл на аэродром.
- 9.7.41г. Исправных - 8, неисправных - 9, всего 17 самолетов. Не вернулись с боевого задания из района Бобруйск три самолета, летчики командир звена САТАЛКИН, мл. лейтенант КУЗЬМИЧЕВ.
- 10.7.41г. Исправных - 7, неисправных - 7, всего 14 самолетов. С боевого задания не вернулся один самолет, пропал без вести и сведений о нем нет.
- 11.7.41г. Исправных - 0, неисправных - 7, всего 13 самолетов. С боевого задания не вернулось 4 самолета, два самолета летчики САЛДАТЕНКО САКИРДАНОВ сбиты 3А противника, самолеты погибли, летчики пропали без вести. Два самолета подбиты 3А противника, упали на линии фронта. Самолеты разбиты, летчики ЗАЙЦЕВ, КУЛАКОВ вернулись в часть.
- 12.7.41г. Исправных - 2, неисправных - 7, всего - 9 самолетов
- 13.7.41г. Исправных - 0, -" - 10, всего - 10 -" -
7 самолетов поступило из завода № 18 и поставлено на просмотр и отладку оружия. Два самолета не вернулись с боевого задания, сбиты истребителями противника. Самолеты разбиты, летчик АЛЕКСЕЕВ убит, второй летчик ВАРЖОЛАМЕЕВ ранен, возвратился в полк, самолет уничтожен.

По мере развития зафронтовой работы особые отделы НКВД стали направлять военному командованию для возможного использования добытые о противнике сведения разведывательного характера. Во многих случаях информация из НКВД СССР по различным вопросам поступала непосредственно на имя начальника Генштаба Г. К. Жукова.

На протяжении всего начального периода войны особые отделы НКВД вскрывали серьезные недочеты в использовании частями и соединениями действующей армии военной техники, подготовке специалистов, осуществлявших ее эксплуатацию. Одной из серьезных проблем советского командования была на тот период нехватка авиации и танков. Однако в определенной степени эта проблема была обусловлена слабой подготовкой и неумением личного состава грамотно эксплуатировать технику, несвоевременным проведением регламентных и ремонтных работ.

О сложившемся неблагоприятном положении в феврале 1942 г. Управление особых отделов НКВД СССР направило информацию в ГКО И. В. Сталину, а также в Генеральный штаб (Б. М. Шапошникову) и в НКО СССР (П. Ф. Жигареву, А. А. Новикову). В сообщении шла речь о том, что аварийность в частях ВВС приняла большие размеры. В ноябре 1941 г. — январе 1942 г. в частях ВВС фронтов и округов имело место 206 катастроф и 243 аварии самолетов, в результате чего погибли 342 человека летно-технического состава и 157 человек получили ранения. Был разбит 341 самолет, и 58 самолетов требовали заводского ремонта.

Одной из причин аварийности являлась также плохая организация перелетов и перебазирования полков с пунктов формирования. В декабре 1941 г. — январе 1942 г. при перелете 274-го истребительного авиаполка было разбито семь самолетов, 621-го легкомобильного авиаполка — шесть, 516-го истребительного авиаполка — четыре и т. п. 513-й и 313-й авиаполки при перебазировании в распоряжение 52-й армии за восемь дней из 40 самолетов вывели из строя 25, из которых большинство было разбито при взлетах и посадках. В докладной записке приводились и другие примеры неблагоприятного положения в авиационных частях.

Управление особых отделов НКВД СССР внесло командованию ВВС Красной армии предложения: запретить перелет маршевых полков на фронт без самолетов-лидеров; прибывающие на фронт маршевые полки прикреплять к однотипной части с целью быстрого получения опыта в эксплуатации техники и ее боевого применения; выделить группу полков, имеющих большой опыт боевой работы и пополнять их материальной частью и летным составом на месте, не направляя на переформирование. В этих полках иметь группы запасных летчиков из молодого пополнения для постепенного их втягивания в боевую работу; первые боевые вылеты экипажей авиаполков, прибывших на фронт, производить с ведущими из полков, имеющих боевой опыт работы в районе действия, и т. д.¹¹²

Примерно в этот же период в ГКО и НКО СССР докладывалось, что по сообщению особых отделов НКВД Западного, Ленинградского, Калининского, Северо-Западного, Юго-Западного, Южного и Брянского фронтов в результате плохой организации восстановления танкового парка большое количество боевых машин остается неисправными и не может быть использовано в боевых операциях. По состоянию на 20 февраля 1942 г. в частях действующей Красной армии имелось 3625 танков, из них требовали ремонта — 1925 машин: КВ — всего 515, требовали ремонта — 343; Т-34 — всего 837¹¹³.

Аналогичная ситуация наблюдалась в авиации. По данным УОО НКВД СССР, по состоянию на 10 марта 1942 г. по Красной армии всего было не отремонтировано 4424 самолета и 7454 авиационных мотора, из них на фронте — 1711 самолетов и 1640 авиационных моторов соответственно¹¹⁴.

Информация Управления особых отделов НКВД СССР практически во всех случаях находила отклик у командования, и по ней принимались конкретные меры.

Были установлены случаи, когда командующие армиями, командирам дивизий и корпусов, получая категорические указания Ставки, приходилось отдавать приказы о немедленном переходе в наступление, хотя подчиненные им части и соединения не имели времени

изучить оборону противника, должным образом спланировать и подготовить свои действия, подвезти боеприпасы. В этих условиях органы военной контрразведки нередко помогали войскам избежать ненужных потерь, своевременно информируя вышестоящее командование о складывающейся на фронте реальной обстановке.

К примеру, согласно замыслам Верховного главнокомандования, в январе 1942 г. 2-й ударной армии, входившей в состав Волховского фронта, было приказано в кратчайшее время подготовить и осуществить наступление с целью прорыва блокады Ленинграда. Во исполнение распоряжения Ставки 2-я ударная армия должна была до 6 января 1942 г. выдвинуться на огневые рубежи и 7 января начать боевые действия по прорыву обороны противника на р. Волхов. Особый отдел информировал Военный совет армии о серьезных недочетах в подготовке к операции, необеспеченности бригад и дивизий питанием, горючим, боеприпасами, связью и т. п. Однако командующий армией генерал-лейтенант Г. Г. Соколов (в оперативном отношении слабо подготовленный военачальник, поскольку долгое время служил на штабных должностях в пограничных и внутренних войсках НКВД СССР), зная, что сообщения особого отдела соответствуют действительности, тем не менее заверил командование Волховского фронта в готовности армии к наступлению.

7 января 1942 г. части и соединения армии, не управляемые штабом армии, без налаженной между собой связи и не имея ясного представления о противнике, начали разрозненное наступление. В 14 часов того же дня начальник особого отдела НКВД армии капитан госбезопасности Шашков доложил начальнику особого отдела фронта Д. И. Мельникову, что части несут большие потери, а командование и штаб армии должных мер по руководству войсками не принимают. После получения сообщения из особого отдела НКВД фронта командующий фронтом К. А. Мерецков, член Военного совета А. И. Запорожец и уполномоченный Ставки ВГК Л. З. Мехлис немедленно выехали на КП 2-й ударной армии и, убедившись в правдивости сообщения особого отдела, приостановили наступление. В результате неорганизованного боя, не принесшего никаких результатов, армия потеряла 2118 бойцов, из них 404 убитыми и 1497 ранеными. Нет никаких сомнений, что без вмешательства особого отдела потери армии были бы неизмеримо большими¹¹⁵. После разбора операции с санкции И. В. Сталина генерал Г. Г. Соколов был снят с должности, а командующим 2-й ударной армией стал генерал-лейтенант Н. К. Клыков.

Анализируя причины неудачных действий советских войск в начале 1942 г., военные контрразведчики выявили также, что во многих случаях боевые приказы и сведения о дислокации, передвижении частей и соединений Красной армии передавались по телефону, телеграфу и радио открытым текстом. 25 февраля 1942 г. НКВД СССР проинформировал Генеральный штаб и Наркомат обороны СССР о том, что, по данным особых отделов Ленинградского, Западного, Юго-Западного, Брянского, Волховского фронтов, имеют место многочисленные нарушения требований приказа НКО СССР № 0243 по скрытому управлению войсками, и предложил принять по линии командования соответствующие меры для исправления сложившегося положения.

Успешно начатое в декабре 1941 г. наступление советских войск под Москвой к апрелю 1942 г. по объективным причинам приостановилось. Противник подтянул резервы, создал сильную оборону и успешно отражал атаки советских войск. Между тем командование Красной армии требовало на различных фронтах продолжения наступления. Войска несли серьезные и неоправданные потери, достигая при этом минимальных результатов. О сложившейся ситуации органы военной контрразведки неоднократно информировали руководство страны и Ставку ВГК. Так, 29 марта 1942 г. сообщение по вопросу неудачного проведения операций войсками Юго-Западного фронта с аналитическими выкладками представил в НКВД СССР начальник особого отдела НКВД фронта старший майор госбезопасности Н. Н. Селивановский. 12 апреля 1942 г. оно было доложено наркомом внутренних дел Л. П. Берией И. В. Сталину.

В другом случае 17 апреля 1942 г. Л. П. Берия докладывал в ГКО СССР И. В. Сталину и В. М. Молотову, а также начальнику Генерального штаба Красной армии А. М. Василев-

скому о том, что, по сообщению особого отдела НКВД Калининского фронта, войска этого фронта несут большие потери в личном составе. По мнению особого отдела НКВД фронта, во многих случаях вина за такие потери ложилась на командование фронтом и армиями, которые разрабатывали операции без учета действительной обстановки и временных критериев. Отдельные части вводились в бой с марша, без разведки, вскрытия системы обороны противника, путем лобовых атак. В этом же сообщении особый отдел приводил яркий пример нерационального использования в ходе боев в качестве пехоты военнослужащих редких воинских специальностей: сформированная Московским военным округом 3-я гвардейская морская бригада в результате боевых действий в начале 1942 г. потеряла 3176 командиров, специалистов торпедных катеров, подводников, связистов и электриков.

Несмотря на тяжелую обстановку, органы военной контрразведки летом и осенью 1942 г. продолжали анализировать причины неудачных действий советских войск под Сталинградом и принимать через командование меры по их устранению. Так, в октябре 1942 г., по данным особого отдела Донского фронта, части 66-й армии пытались прорвать оборону противника и к 23 октября, разгромив вражескую группировку, прорвавшуюся к Волге, соединиться с советскими войсками в Сталинграде. Армия для выполнения задачи располагала значительными силами: 13 стрелковых дивизий, из них четыре свежие, 23 полка РКК, 12 гвардейских минометных полков, несколько танковых бригад и т. п. Но, начав операцию, к 26 октября советские войска вынуждены были остановиться, не достигнув успеха. При этом участвовавшие в наступлении дивизии понесли серьезные потери — до 4–5 тыс. человек каждая.

Командование причину провала наступления объясняло низкими боевыми качествами пехоты. Однако проведенный военными контрразведчиками анализ показал, что неудачные действия объясняются плохим руководством бойцами стрелковых подразделений командиров рот, батальонов, полков и дивизий, которые теряли управление на поле боя, не организовывали должным образом поддержку наступления артиллерией и т. п. За все время наступательных действий в частях армии не было ни одного случая, чтобы бойцы не выполнили приказа идти в атаку, ни одного случая массовой паники или группового бегства с поля боя. О вскрытых недочетах в организации наступательных операциях особым отделом НКВД Донского фронта был проинформирован Военный совет фронта¹¹⁶.

В ходе ведения ожесточенных боевых действий под Сталинградом органы военной контрразведки выявили многочисленные факты плохого обеспечения питанием личного состава частей и соединений фронта. Начальник особого отдела НКВД Сталинградского фронта Н. Н. Селивановский сообщал в конце октября 1942 г. о том, что установленная приказами НКО СССР система снабжения рассчитана на «образцово организованный и налаженный процесс снабжения и его технического оформления (своевременная отчетность, получение и выдача продовольственных аттестатов... и т. п.), что в условиях боевых действий не всегда представляется возможным сделать». Отдельные части и даже соединения в ходе боевых операций часто перебрасывались с одного участка фронта на другой и не могли своевременно оформить прикрепление на снабжение и открепление. Это приводило к тому, что части по несколько дней не снабжались продовольствием. В сообщении особого отдела фронта приводились многочисленные примеры¹¹⁷. 4 ноября 1942 г. о серьезных проблемах со снабжением личного состава передовых частей питанием Управление особых отделов НКВД СССР сообщило непосредственно в НКО СССР начальнику Главного управления тыла РККА А. В. Хрулеву¹¹⁸.

Значительный объем работы по информированию командования был проделан органами военной контрразведки Сталинградского и Донского фронтов в период подготовки наступления советских войск под Сталинградом. Так, например, 17 ноября 1942 г. в ГКО И. В. Сталину и В. М. Молотову и в Генеральный штаб Красной армии А. М. Василевскому было направлено сообщение НКВД СССР о недочетах в подготовке к наступлению 4-го механизированного и 4-го кавалерийского корпусов. Речь шла о нехватке боеприпасов, горюче-смазочных материалов, зимнего обмундирования и т. п.¹¹⁹

Несколько ранее, 13 ноября 1942 г. особый отдел НКВД Донского фронта информировал НКВД СССР о том, что немецкому командованию известно о подготовке к наступлению

войск 65-й армии Донского фронта. Советские войска выдвигались в районы сосредоточения без должной маскировки, порой в дневное время. Командование некоторых соединений и частей не принимало мер для своевременного подвоза боеприпасов, питания, обмундирования. Ряд командиров частей 65-й армии на основе информации особого отдела НКВД был снят с занимаемых постов за непринятие мер по предотвращению случаев измены Родине и дезертирства¹²⁰.

В целом информирование особыми отделами НКВД политического руководства страны, военного командования, политических органов играло важную роль. Оно позволяло в короткие сроки донести проблемы, возникающие в частях и соединениях действующей армии, до заинтересованных инстанций и добиться их незамедлительного решения.

К осени 1942 г., несмотря на сохранявшуюся исключительно сложную военно-стратегическую обстановку на фронтах, деятельность органов военной контрразведки приобрела более стабильный характер. Руководством органов безопасности был четко определен круг первоочередных задач особых отделов, внесены необходимые коррективы в организацию оперативной работы в связи с началом военных действий. По мере стабилизации положения на второй план отходили задачи, связанные с наведением порядка на линии фронта и в прифронтовой полосе, одновременно возрастала актуальность организации эффективной борьбы с разведывательной и диверсионной деятельностью спецслужб противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Козичев М.* В общем строю за Великую Победу // 50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Информационный бюллетень Управления военной контрразведки ФСБ РФ. Специальный выпуск. М., 1995. С. 6.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 337–338.

³ Там же. С. 346.

⁴ Там же. С. 366.

⁵ Там же. С. 372–373.

⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 369.

⁷ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945. С. 129–132.

⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 204.

⁹ 1941 год. Сб. документов. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 2. С. 478.

¹⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 37–38.

¹¹ Там же. С. 90–93.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 843. Л. 88.

¹³ Исторические чтения на Лубянке. М., В. Новгород, 2000. С. 42.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 580. Л. 309.

¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 815. Л. 7, 14, 16, 19, 30.

¹⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 161–162.

¹⁷ Там же. С. 415–417.

¹⁸ Там же. С. 424–425.

¹⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 472–474.

²⁰ Там же. С. 475.

²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 843. Л. 74–75.

²² Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 237.

²³ Вопросы истории. 1965. № 5. С. 29.

²⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 92–93.

²⁵ *Рубцов Ю. В.* Заградительные отряды в РККА в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2008. № 3. С. 86.

²⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 412.

²⁷ Там же. С. 406.

²⁸ Там же. С. 64–65, 77–79.

²⁹ Вопросы истории. 1965. № 5. С. 29.

³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 29.

- ³¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. М., 2000. С. 316–318.
- ³² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 111.
- ³³ Там же. Д. 1. Л. 244–245.
- ³⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 133–135.
- ³⁵ Там же. С. 357–358.
- ³⁶ Новая и новейшая история. 1968. № 5. С. 100.
- ³⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 431–432.
- ³⁸ Там же. С. 432.
- ³⁹ Там же. С. 480–481.
- ⁴⁰ Великая Отечественная война. 1941 год. Исследования, документы, комментарии. М., 2011. С. 260.
- ⁴¹ Там же. С. 260–261.
- ⁴² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 28. Л. 7.
- ⁴³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 183.
- ⁴⁴ Там же. С. 130–136.
- ⁴⁵ *Robert S. Stephan. Stalin's Secret War: Soviet Counterintelligence Against the Nazis 1941–1945 (Modern Was Studies)*. 2003. S. 51.
- ⁴⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 141–146.
- ⁴⁷ Там же. С. 409–410.
- ⁴⁸ Там же. С. 157–161.
- ⁴⁹ Там же. С. 301–302.
- ⁵⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 102–103.
- ⁵¹ *Stephan R. S. Stalin's Secret War: Soviet Counterintelligence Against the Nazis 1941–1945 (Modern Was Studies)*. S. 93.
- ⁵² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 183–185.
- ⁵³ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1985. С. 40.
- ⁵⁴ Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 98, 216.
- ⁵⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 115.
- ⁵⁶ Там же. Л. 152–153.
- ⁵⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 142. Л. 378–380.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 14ос. Оп. 1. Д. 1. Л. 218.
- ⁵⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 227–228.
- ⁶⁰ Там же. С. 228.
- ⁶¹ Смерш. Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 149–150.
- ⁶² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 146–147.
- ⁶³ Там же. С. 271–274.
- ⁶⁴ Чекисты на защите столицы. М., 1982. С. 5–6.
- ⁶⁵ Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002. С. 20.
- ⁶⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 378–379.
- ⁶⁷ Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 164–166.
- ⁶⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 141. Л. 64–67.
- ⁶⁹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 204–205.

- ⁷⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1. Л. 16.
- ⁷¹ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 119. Л. 176–177.
- ⁷² Там же. Д. 117. Л. 95, 97–98, 101.
- ⁷³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 6. М., 1963. С. 80.
- ⁷⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 388–389.
- ⁷⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1941 год. Т. 23. М., 1999. С. 101.
- ⁷⁶ Великая Отечественная война. 1941 год. Исследования, документы, комментарии. С. 240–241.
- ⁷⁷ Там же. С. 180.
- ⁷⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 11. Л. 270.
- ⁷⁹ Великая Отечественная война. 1941 год. Исследования, документы, комментарии. С. 242.
- ⁸⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1. Л. 87–88.
- ⁸¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 89. Оп. 18. Д. 8. Л. 1–3.
- ⁸² ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 679. Л. 40.
- ⁸³ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 140.
- ⁸⁴ Там же. Д. 11. Л. 63.
- ⁸⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 517–518.
- ⁸⁶ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 151–156.
- ⁸⁷ «Ни паники, ни растерянности с их стороны не было» // Исторический архив. 2006. № 2.
- ⁸⁸ Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 279.
- ⁸⁹ Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 50–57.
- ⁹⁰ Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ / Сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, Ю. В. Сигачев. М., 2000. С. 153–158.
- ⁹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 121. Л. 53–54.
- ⁹² Там же. Л. 179–182.
- ⁹³ Там же. Л. 183–185.
- ⁹⁴ Сталинградская эпопея. С. 180–181.
- ⁹⁵ Там же. С. 230.
- ⁹⁶ Там же. С. 231.
- ⁹⁷ Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 97.
- ⁹⁸ Сталинградская эпопея. С. 231–232.
- ⁹⁹ Там же. С. 164.
- ¹⁰⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 232–234.
- ¹⁰¹ Сталинградская эпопея. С. 204–207.
- ¹⁰² Там же. С. 213–214.
- ¹⁰³ Там же. С. 226.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 207.
- ¹⁰⁵ Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 47.
- ¹⁰⁶ Сталинградская эпопея. С. 271–272.
- ¹⁰⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 343. Л. 140–142.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 20. Л. 17.
- ¹⁰⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 220–221.
- ¹¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 159–160.
- ¹¹¹ Там же. Д. 248. Л. 172.
- ¹¹² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 119. Л. 140–143.
- ¹¹³ Там же. Л. 192–194.

¹¹⁴ Там же. Л. 285.

¹¹⁵ *Лазарев В. И.* Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны. ФСБ России. М., 2000. С. 36–37.

¹¹⁶ Сталинградская эпопея. С. 251–260.

¹¹⁷ Там же. С. 245–250.

¹¹⁸ Там же. С. 265–266.

¹¹⁹ Великая Отечественная война. 1942 год. Исследования, документы, комментарии. М., 2012. С. 463–464.

¹²⁰ Там же. С. 460–461.